

ПРАВЛЕНІЕ ЦАРЕВНЫ СОФІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Событія, послѣдовавшія за смертію цера Теодора Алексѣевича, составляютъ одну изъ самыхъ кровавыхъ, и въ тоже время самыхъ интересныхъ страницъ нашей древней, до-петровской исторіи. Тутъ есть все, что привлекаетъ вниманіе любопытнаго наблюдателя минувшихъ временъ: драматическое движеніе, игра страстей, зародышъ нововведеній, борьба партій, первыя попытки обширныхъ политическихъ соображеній, отдаленные походы посреди безводныхъ, пылающихъ степей, полузакрытые отъ насъ таинственною завѣсой... Царевна Софія, Голицынъ, великій министръ, и отрокъ Петръ, вотъ лица, стоящія на первомъ планѣ этой картины: ихъ однихъ довольно, чтобы приковать наше вниманіе; но позади этихъ ярко выдающихся фигуръ мы замѣчаемъ достойнаго и несчастнаго Матвеева, Милославскаго, интригующаго даже у дверей гроба, Хованскаго съ фантастическими его замыслами, и вдали буйную массу стрѣльцовъ съ одной стороны, съ другой—Лефорта, Шереметева, Меньшикова, ряды потѣшныхъ и флаги первыхъ судовъ русскихъ: это—панорама всей исторіи нашего отечества.

Дѣйствительно, независимо отъ собственнаго обширнаго интереса, эпоха, къ описанію которой приступаемъ, какъ грань между до-петровскою и новою Россією, есть черта, гдѣ сходятся та и другая, и откуда легко и ясно обзрѣваемъ мы то, что лежитъ по-

зади ея и что передъ нею, то есть послѣдки старины и зачатки нововведеній.

Эпоха Петра помрачаетъ эпоху Софїи, но въ общемъ движеніи отечественной исторіи онѣ нераздѣльны, и взаимно объясняютъ одна другую. Какъ будемъ мы судить о дѣлахъ Петра, если сначала не опредѣлимъ со всевозможною отчетливостію того положенія, въ которомъ принялъ Россію этотъ великій человекъ, исходнаго пункта, изъ котораго двинулъ онъ ее далѣе? Стрѣлецкіе мятежи и правленіе Софїи суть вступительныя главы въ исторіи Петра.

Нигдѣ не было такого простора дѣйствию придворныхъ партій, какъ въ древней Россіи, и этому виною—одною изъ главнѣйшихъ по крайней мѣрѣ—былъ обычай царей вступать въ бракъ съ дочерьми своихъ подданныхъ. Человекъ, несущій на раменахъ своихъ судьбы цѣлаго народа, необходимо долженъ имѣть привычныхъ помощниковъ въ дѣлѣ правленія, людей, которые примѣнились бы къ его правительственнымъ приемамъ и вдохновились его идеями; когда же онъ умираетъ, весьма часто вмѣстѣ съ нимъ удаляются и его сотрудники, и если не новыя идеи, то новыя примѣненія ихъ и новыя люди вступаютъ на мѣста прежнихъ. Подобное измѣненіе личнаго состава правительства повсюду болѣе или менѣе значительно; когда же государя окружаютъ люди, не только довѣренностію или милостію его взысканные, но его родственники, какъ въ древней Россіи, и когда влѣдъ за новымъ царемъ вторгается на ступени престола готовый уже штатъ временщиковъ, родственниковъ новаго цзя, то происходитъ весьма часто потрясеніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Въ этомъ отношеніи особенно несчастливо было то, что оба царя, правившіе Россіею во второй половинѣ XVII столѣтія, вступали два раза въ супружество, то есть имѣли вокругъ себя двойное число родственниковъ, двойное число претендентовъ на милость, на почести, на богатство.

Царь Алексѣй, какъ извѣстно, имѣлъ первою супругою Марью Ильинишну Милославскую. По счастью, объ этомъ бракѣ сохранилось нѣсколько любопытныхъ подробностей, которыя даютъ понятіе о проискахъ, сопровождавшихъ избраніе царскихъ невѣстъ. Когда молодой царь объявилъ о своемъ желаніи вступить въ супружество, по старинному обычаю потребованы были ко Двору

дочери знатныхъ и незнатныхъ дворянъ русскихъ. Изъ большаго числа созванныхъ дѣвицъ выборъ царя остановился на дочери Рафа Всеволожскаго. Всеволожскій былъ небогатъ, незнатенъ, не имѣлъ связей и слѣдовательно выборъ царя не нравился ни одному изъ сильныхъ людей, окружавшихъ престолъ. Всѣхъ могущественнѣе тогда при Дворѣ былъ бояринъ Морозовъ; для него бракъ царя былъ особенно важнымъ дѣломъ, ибо могъ или упрочить за нимъ или передать въ другія руки его могущество. У него была въ виду иная невѣста для государя, дѣвица замѣчательной красоты (1), хотя нѣсколько старѣе царя, и главное — принадлежавшая къ преданной ему фамиліи Милославскихъ. Но для этого надобно было уничтожить сдѣланный уже выборъ. Отважный временщикъ не отступилъ передъ этою трудностію; онъ подкупилъ царскаго волосочеса, который убирая къ вѣнцу несчастную дѣвушку, затянулъ ей волосы такъ туго, что она упала въ обморокъ. Обморокъ этотъ представили какъ припадокъ падучей болѣзни, и дочь Всеволожскаго была отправлена вмѣстѣ съ отцомъ своимъ съ порога царскихъ чертоговъ въ ссылку (2).

Послѣ этого уже не много труда стоило Морозову склонить царя къ браку съ Милославною. Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы царской праздновалась свадьба и самого фаворита съ сестрою новой царицы.

Такимъ образомъ могущество Морозова казалось надолго упроченнымъ, но крайней мѣрѣ для этого были приняты всѣ позволительныя и непозволительныя мѣры. Тѣмъ не менѣе онъ палъ. Мѣсто его занялъ другой родственникъ царицы, Иванъ Михайловичъ Милославскій. Человѣкъ этотъ игралъ одну изъ значительнѣйшихъ ролей въ эпоху, къ которой мы приближаемся; незнатный по своему происхожденію, онъ умѣлъ вкрасться въ довѣренность къ Морозову во время его могущества, былъ преданнымъ ему человѣкомъ и много работалъ за него. Бракъ же государя съ его родственницею возвысилъ его до той степени, на которой уже не страшны удары временщиковъ. Милославскій, прочно утвердившись при Дворѣ, не страшился болѣе гнѣва, какъ и не искалъ покровительства Морозова, и когда тотъ палъ, онъ заступилъ его мѣсто.

(1) Судя по портрету въ путешествіи Мейерберга.

(2) Объ этомъ путешествіи есть нѣсколько отечественныхъ и иностранныхъ извѣстій.

Достигши высокой степени значенія при Дворѣ и могущества, Милославскій могъ надѣяться долго на ней удержаться, потому что Марья Ильинишна даровала царю многихъ царевнъ и царевичей. Но въ 1669 году Марья Ильинишна скончалась; царь, еще въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, могъ пожелать вступить во вторичный бракъ, и положеніе Милославскаго, мало любимаго и уважаемаго царедворцами, сдѣлалось нѣсколько шаткимъ.

Оно сдѣлалось еще болѣе сомнительнымъ, когда сталъ быстро возвышаться въ милости царской Артамонъ Сергѣевичъ Матвеевъ, замѣчательный этотъ человекъ происходилъ, подобно Милославскому, изъ незнатной фамиліи, но возвысился не придворными происками, не угодливостію любимцамъ, а личными своими доблестями. Онъ началъ съ военнаго ремесла; являлся исправно на службу, бился бодро, не выпрашивалъ наградъ и повышеній, и приобрѣлъ къ себѣ уваженіе войска. Царь замѣтилъ его, угадалъ въ немъ способности гражданскія, вызвалъ въ Москву и послѣ смерти знаменитаго Ордына-Нащокина, поручилъ ему Посольскій Приказъ. Съ этой поры милость къ нему царя ежедневно возрастала и наконецъ обратилась въ сердечную дружбу. И Матвеевъ вполне оправдывалъ ее, потому что кромѣ безпредѣльной преданности особѣ государя, онъ былъ человекъ строгой честности гражданской и высокой христіанской добродѣтели; вся Москва раздѣляла въ отношеніи къ нему чувства царя (3). Кромѣ того онъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка въ Россіи; не имѣя близкихъ связей съ знатными боярами, онъ проводилъ свободное время въ занятіяхъ кабинетныхъ, либо въ бесѣдахъ съ иностранцами. Онъ образовалъ изъ своихъ дворовыхъ людей оркестръ и труппу актеровъ, и царь самъ часто присутствовалъ на концертахъ и драматическихъ представленіяхъ, которые давались въ его домѣ.

Послѣ смерти Маріи Ильинишны государь сталъ особенно часто

(3) Въ «Исторіи о невинномъ заключеніи А. С. Матвеева» есть разказъ всѣми повторяемый, о случаѣ, который, если онъ исполнѣ справедливъ, краснорѣчиво говоритъ о любви народной къ Матвееву: когда, по настоящему желанію царя, онъ приступилъ къ постройкѣ хоромъ, сообразныхъ съ его званіемъ, оказался въ Москвѣ недостатокъ въ строительномъ матеріалѣ; народъ и стрѣльцы, узнавши объ этомъ, *разобрали могилы своихъ предковъ* и ударили ими челомъ почтенному боярину.

посѣщать Матвеева; просиживалъ у него многіе часы и запросто раздѣлялъ съ нимъ трапезу. Извѣстно, что женщины въ тѣ времена не участвовали въ пріемѣ гостей, но къ столу собиралось все семейство и весьма часто вся дворня. Ужиная однажды у своего любимца (4), царь увидѣлъ дѣвушку, которая поразила его скромностью своею и красотою; она была высока ростомъ, стройна, и большіе темные глаза ея, спущенные длинными рѣсницами, дышали душевною добротою (5). Это была Наталія Кириловна Нарышкина. Царь сочетался съ нею бракомъ въ 1671 году, и положеніе лицъ и партій при Дворѣ мгновенно измѣнилось; Милославскіе принуждены были уступить мѣсто у престола Нарышкинымъ; братья молодой царицы были взяты въ комнату, возведены въ чинъ окольныхъ, во ожиданіи новыхъ предлоговъ къ повышеніямъ; отецъ ея, Кирилъ Полуектовичъ, въ короткое время былъ сдѣланъ бояриномъ, главнымъ судьей въ Приказѣ Большаго Дворца и получилъ отъ щедротъ царскихъ 9000 душъ (6); Матвеевъ же произведенъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, изъ думныхъ дворянъ въ бояре, а сынъ его Андрей (7), еще отрокомъ, взятъ въ комнату.

Съ небольшимъ черезъ девять мѣсяцевъ послѣ этого брака царица разрѣшилась сыномъ, который былъ нареченъ Петромъ.

О рожденіи и по случаю рожденія этого младенца, которому суждено было наполнить свое время славою своихъ дѣлъ, существуетъ множество любопытныхъ преданій; современное образованіе отвергаетъ многія изъ нихъ; можетъ быть, и даже очень вѣроятно, большая ихъ часть была придумана въ послѣдствіи воображеніемъ народнымъ, которое поражено было величіемъ Петра, или угодливіостію малопросвѣщенныхъ историковъ, но многого невозможно отвергать совершенно. Что гороскопы новорожденнаго младенца были дѣланы, это весьма сходно съ обычаями того вѣка и всеобщее тогда вѣровъ въ астрологію; что гороскопы эти предсказывали будущее величіе Петра, весьма согласно съ обычаями придворныхъ астрологовъ и сверхъ того подтверждается несомнѣн-

(4) Опытъ обзор. жизни сановн., Терещенко.

(5) Collins (The present state of Russia) говоритъ о красотѣ царицы, въ чемъ также свидѣтельствуетъ ея портретъ въ Эрмитажѣ.

(6) Исторія Петра I великаго, Бергмана.

(7) Отъ него остались записки, которыя были намъ часто полезны въ предлагаемомъ трудѣ.

ными доказательствами (8); наконец не подлежит сомнѣнію, что раннія, необыкновенныя способности Петра, его цвѣтущее здорье и бодрый, пылкій его нравъ, съ младенчества обратили на него вниманіе народа и привязали въ нему сердца современниковъ. Это предпочтеніе и эта всеобщая къ нему симпатія должны были еще увеличиться чрезъ сравненіе его съ братьями, рожденными отъ покойной царицы. Царевичъ Теодоръ былъ юноша разумный и украшенный многими добродѣтелями, но болѣзненный и недолговѣчный; царевичъ же Іоаннъ, кромѣ слабости физической, былъ скорбенъ главою, какъ выражались въ то время, и не представлялъ довольно тѣхъ качествъ, которыхъ въ нравѣ желать народъ отъ своего правителя,

Немудрено, что царь, задумываясь иногда о будущей судьбѣ Россіи, желалъ изъ троихъ сыновей своихъ видѣть Петра на престолѣ. Съ другой стороны онъ понималъ, что нарушать порядокъ престолонаслѣдія, основу спокойствія монархіи,—не должно безъ особенно важныхъ причинъ, да и свойства Теодора представляли всѣ условія и вѣроятности мудраго правленія, не обезпечивая только его долговѣчія. Итакъ, когда смерть застигла Алексѣя Михайловича, по праву первородства вступилъ на престолъ Теодоръ. Это опять дало новый поворотъ колесу придворной фортуны: тѣ, которые были внизу, поднялись; которые были на верху, опустились. Милославскій, родственникъ молодаго царя, занялъ съ своими друзьями первое мѣсто у престола. Бояринъ этотъ, злой и мстительный, считавшій Матвеева своимъ врагомъ, направилъ теперь противъ него огромную интригу, въ которой приняли участіе всѣ не желавшіе видѣть Петра на престолѣ; Матвеевъ былъ обвиненъ въ чернокнижін, и даже въ покушеніи на царскую жизнь, и сосланъ въ Пустозерскій острогъ (9)

Милославскій сдѣлался всесильнымъ; его лѣта, опытность, изворотливый умъ и родство съ царемъ давали ему неоспоримое превосходство надъ прочими приближенными молодаго царя, людьми

(8) Переписка иностранцевъ современниковъ Гревіуса и Гейнзіуса, въ которой объ этихъ предсказаніяхъ упоминается.

(9) Епископъ Залосскій, въ *Epistolae historico-familiares* обвиняетъ его въ умыслѣ овладѣть престоломъ въ пользу Петра; обвиненіе это ни чѣмъ не подтверждается, но весьма можетъ быть, что оно было одною изъ главныхъ причинъ опалы Матвеева.

по большей части довольно посредственными, каковы были Хитрово, Вольинскій (10) и мн. др. Одинъ только изъ сотрудниковъ царя въ послѣдніе годы началъ становиться опаснымъ Милославскому: это былъ Иванъ Максимовичъ Языковъ. Подобно другимъ временщикамъ того вѣка, онъ вышелъ изъ рядовъ мелкаго дворянства, но при покровительствѣ дядьки государева, боярина Хитрово, въ короткое время возвысился до сана боярскаго, сдѣлался любимѣйшимъ совѣтникомъ царя, и далеко обогналъ бывшаго своего покровителя, которому, говоритъ одинъ изъ старинныхъ писателей, «онъ жестокою бразду или удила въ зубы положилъ» (11).

Однакожъ положеніе всѣхъ этихъ любимцевъ было сомнительно по причинѣ слабости здоровья государева. Надежда польстила было имъ, когда царица даровала престолу наследника, но черезъ нѣсколько дней и младенецъ, и мать скончались. Феодоръ, не надѣясь болѣе имѣть дѣтей, не надѣясь и самъ прожить долго, началъ помышлять о назначеніи себѣ преемника. Братъ его Іоаннъ хотя и приближался къ совершеннолѣтію, но по прежнему оставался слабъ тѣломъ и духомъ, способности же и бодрый духъ Петра развивались съ каждымъ днемъ. Наставникъ его, Зотовъ, умѣлъ дать полезное направленіе порывамъ его пылкой природы: въ народѣ ходили тысячи разказовъ объ его раннихъ способностяхъ и о пѣвнкой привязанности къ нему вдовствующей царицы, которая въ немъ одномъ находила отраду посреди мало расположеннаго къ ней двора. Феодоръ видѣлъ все это и рѣшился назначить Петра своимъ наследникомъ. Онъ открылся въ этомъ Языкову: «Братъ мой Петръ, говорилъ онъ, здравъ и отдѣленъ отъ Бога всѣми достоинствами и достоинъ послѣдія державнаго престола російскаго. Родитель мой еще имѣлъ намѣреніе его нарѣчь преемникомъ, но ради юныхъ его лѣтъ назначилъ меня. Но воля его сдѣлаю и я!» (12).

(10) О послѣднемъ вотъ что говорится въ «Исторіи о псевдномъ заключеніи А. С. Матвеева»: «который управленіе оныхъ государственныхъ и политическихъ дѣлъ такъ остро зналъ, какъ медвѣдь на гусляхъ играть.»

(11) Исторія о псевдномъ заключеніи боярина А. С. Матвеева.

(12) Крекишичъ, въ Запискахъ Русск. люд., изд. Сахаровымъ, и многіе другіе русскіе писатели. Въ «Письмѣ англійскаго дворянина, имѣвшаго обхожденіе съ російскими посланами» (Собр. разн. записокъ Туманскаго), объ этомъ упоминается не только какъ о намѣреніи, но какъ о фактѣ совершившемся.

Намъ нѣтъ нужды знать, былъ ли Языковъ злѣйшимъ врагомъ вдовствующей царицы, какъ говорятъ нѣкоторые современники, или онъ доброжелательствовалъ ей болѣе другихъ придворныхъ, какъ полагаютъ иные. Языковъ былъ честолюбивъ, и потому уже ему трудно было согласиться добровольно уступить свою власть родственникамъ вдовствующей царицы. Естественно поэтому, что онъ старался отклонить царя отъ его намѣренія. Онъ говорилъ о бѣдствіяхъ, постигающихъ государство при малолѣтнихъ правителяхъ, умолялъ не нарушать порядка престолонаслѣдія, и совѣтовалъ лучше самому Феодору вступить во вторичный бракъ. Царь согласился, и въ 1682 году сочетался съ дѣвицею Мареею Матвеевною Апраксиною. Но бракъ этотъ не обѣщаль престолу прямыхъ наслѣдниковъ; здоровье Феодора Алексѣевича съ каждымъ днемъ становилось хуже, и наконецъ онъ слегъ, чтобъ болѣе не вставать.

Можно вообразить себѣ, сколько интригъ кипѣло вокругъ одра умирающаго царя. Языковъ и прочіе любимцы Феодора, не имѣвшіе прочныхъ связей при Дворѣ, а слѣдовательно и видовъ на будущее, скоро исчезли посреди столкновенія враждебныхъ интересовъ Милославскихъ и Нарышкиныхъ, которые одни заняли арену. На борьбу этихъ двухъ партій было обращено всеобщее вниманіе; будущность должна была рѣшиться между ними: отъ нихъ зависѣло, Петру ли царствовать, или Іоанну? Милославскіе выставляли право первенства Іоанна Алексѣевича, Нарышкины опирались на намѣреніе, приписываемое обоимъ царямъ, назначить себѣ наслѣдникомъ Петра. Множество бояръ и другихъ знатныхъ людей поспѣшили изъ своихъ помѣстій въ Москву и становились подъ знамена той или другой партіи. Нарышкины успѣли заинтересовать въ свою пользу царицу, которая выпросила у супруга своего облегченіе участи Матвеева: онъ переведенъ былъ изъ дальней своей ссылки въ городъ Лухъ (13) и получилъ небольшую вотчину въ вознагражденіе за долгую опалу. Это былъ важный успѣхъ со стороны Нарышкиныхъ: Матвеевъ былъ первый членъ ихъ партіи, и въ рѣшительную минуту для нихъ выгодно было имѣть его по близости отъ Москвы. Милославскіе съ безпокойствомъ увидѣли этотъ успѣхъ своихъ противниковъ и поспѣ-

(13) Костромской губерніи.

шили противопоставить вліянію царицы Марѣи Матвеевны вліяніе царевны Софіи Алексѣевны.

Здѣтъ мы пріостановимся въ разказѣ нашемъ, чтобы ближе ознакомиться съ этимъ новымъ и главнѣйшимъ лицомъ вновь завязывавшейся драмы. Въ высочайшей степени было бы любопытно прослѣдить психологически развитіе этого сильнаго и необыкновенно-самобытнаго характера. Въ настоящее время не легко постигнуть всю необычайность явленія въ Россіи политической женщины. Въ самомъ дѣлѣ теперь женщинамъ открыты многія поприща: искусство, литература, наука, даже политика, цѣлый вѣкъ могущества женщинъ во Франціи, и нѣсколько разъ возобновлявшіяся женскія царствованія, громкія и славныя, пріучили насъ видѣть женщинъ въ высокихъ политическихъ роляхъ, а какъ скоро извѣстность и слава стали доступны имъ, честолюбіе сдѣлалось въ нихъ довольно естественнымъ чувствомъ. Но въ XVII вѣкѣ русскимъ женщинамъ едва ли было возможно мечтать о власти даже въ домашнемъ, хозяйственномъ быту; дочерямъ же и супругамъ царей еще можетъ быть менѣ чѣмъ въ частной сферѣ. Сочетаться бракомъ съ иностранными принцами не позволяли нашимъ царевнамъ господствовавшіе тогда понятія и нравы; выходить же замужъ за простыхъ гражданъ—считалось ниже ихъ достоинства. Поэтому онѣ обрекались безрадостному и бесполезному одиночеству; жизнь ихъ должна была протекать въ тихомъ уединеніи; однообразною нитью проходили ихъ грустные дни, посвященные вышиванью шелками и золотомъ, или ничтожнымъ сплетнямъ съ боярынями и сѣнными дѣвушками. Онѣ рождались, жили и умирали, не вѣдая ничего, что вокругъ нихъ совершалось, и сами никому неизвѣстныя. Даже въ церковь ходили онѣ, говоритъ современный иностранецъ Мейербергъ, по особой галлерей; прогуливаясь ѣздили въ плотно-закрытыхъ экипажахъ, окруженныя всегда штатомъ придворныхъ дамъ и дѣвицъ, недоступныя даже взору мужчины, такъ что, прибавляетъ тотъ же путешественникъ, изъ множества придворныхъ сановниковъ, безпрестанно наполнявшихъ дворецъ, весьма не многимъ случалось во всю свою жизнь мелькомъ увидѣть дочь или супругу царя. Стольники, состоявшіе при нихъ (14), были

(14) Кошкинъ, о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, стр.. 25

отчисляемы въ другую службу съ наступленіемъ извѣстнаго возраста. Самъ царь, вслѣдствіе полувосточныхъ нравовъ старинной Россіи, рѣдко позволялъ себѣ раздѣлять трапезу съ супругою своею, съ дочерьми же почти никогда того не случалось. Какимъ же образомъ, при такомъ строгомъ отчужденіи отъ всякаго внѣшняго вліянія, могла царевна Софія войти въ сношенія съ политическою партіею? Какъ вообще могли въ душѣ ея родиться властолюбивыя помыслы? Откуда могла взятая въ ней жажда дѣятельности? Къ сожалѣнію мы имѣемъ весьма мало данныхъ для разрѣшенія этого любопытнаго вопроса и принуждены здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, ограничиться соображеніями и догадками.

При царѣ Алексѣѣ было нѣсколько людей въ Москвѣ, которые начинали чувствовать какую-то смутную потребность развитія нѣсколько болѣе широкаго, чѣмъ старинно-русское; которые инстинктивно, скорѣе чѣмъ по сознанію, сочувствовали глухо достигавшимъ до нихъ отраженіямъ западныхъ идей. Замѣчательнѣшимъ изъ такихъ людей былъ Матвеевъ, поставленный своимъ положеніемъ, какъ начальникъ Посольскаго Приказа, въ довольно частыя сношенія съ иностранцами. Доказательствомъ его хоть нѣсколько европейскаго развитія служитъ то, что онъ первый въ Россіи завелъ драматическія представленія и оркестръ музыки. Разумѣется и въ сочиненіи и въ исполненіи этихъ піесъ было весьма мало художественнаго; но подобныя занятія по крайней мѣрѣ отнимали время у бражничества, и уже въ этомъ одномъ отношеніи приносили свою пользу. Самъ царь, какъ было уже сказано, любилъ эти забавы, эти западныя ухищренія и, не сознавая безъ сомнѣнія того самъ, поддавался вліянію проникавшаго въ Россію просвѣщенія.

Въ тоже время былъ другой человекъ, едва ли не болѣе еще Матвеева содѣйствовавшій успѣхамъ начинавшагося движенія при московскомъ Дворѣ. Это былъ извѣстный Симеонъ Полоцкій. Уроженецъ нынѣшнихъ западныхъ губерній нашихъ, онъ получилъ воспитаніе нѣсколько отличное отъ того, которое обыкновенно получали русскіе духовные; его обвиняли въ привязанности къ латинской церкви; но каковы бы ни были религіозныя его убѣжденія, онъ принесъ съ собою ко Двору московскому любовь къ литературѣ и ученію. Астрологъ, духовный писатель,

поэтъ и ораторъ, Полоцкій есть весьма замѣчательное лице при дворѣ Алексѣя Михайловича. Царь любилъ его, поддерживалъ противъ непріязни къ нему другихъ духовныхъ; онъ приблизилъ его къ своей особѣ и допустилъ до короткости, какою не пользовались весьма многіе несравненно высшіе его именемъ и званіемъ. Будучи, такъ сказать, домашнимъ человѣкомъ во дворцѣ, онъ имѣлъ случай видѣть и короче ознакомиться съ царевной Софіей. Пылкій духъ и своеобразный умъ этой царевны должны были съ трудомъ умѣщаться въ тѣсныхъ предѣлахъ теремной жизни. Симеонъ Полоцкій могъ открыть, и дѣйствительно открылъ передъ нею обширный міръ мысли, и царевна съ жаромъ, свойственнымъ пылкой ея природѣ, предалась чтенію, ученію, поэзіи. Ея наставникъ читалъ ей свои произведенія и даже ставилъ нѣкоторыя изъ нихъ на сцену въ собственныхъ ея комнатахъ. Онъ представилъ ей нѣкоторыхъ другихъ людей, занимавшихся тогда въ Москвѣ ученіемъ и литературою, каковъ былъ на примѣръ Медвѣдевъ (15), оставившій намъ любопытныя записки о первыхъ мѣсяцахъ послѣ кончины Θεодора. Полагаютъ, что царевна и сама сочиняла стихи: достовѣрно по крайней мѣрѣ, что первые шаги ея вѣдъ стези обыкновенныхъ женщинъ того времени, имѣли литературное направленіе; казалось, она должна была стать Мэценатомъ рождавшагося въ Россіи просвѣщенія...

Между тѣмъ и образъ жизни царевны естественно долженъ былъ измѣниться съ измѣненіемъ ея привычекъ и занятій. Она позволила себѣ во многомъ преступать строгость теремныхъ законовъ и принимала въ своихъ покояхъ мужчинъ, которыхъ общество ей было пріятно. Милославскій, родной ея дядя, безъ сомнѣнія былъ одинъ изъ людей, имѣвшихъ къ ней доступъ. Вслѣдъ за нимъ, и вѣроятно нѣкоторыми другими, былъ ею принимаемъ и князь В. Голицынъ: въ минуты, которыя дѣятельная его служба на украинской границѣ позволяла ему проводить въ Москвѣ. Рѣчи этихъ людей, посвятившихъ всю свою жизнь политической дѣятельности, должны были произвести большое впечатлѣніе на умъ царевны, по природѣ своей болѣе практической и положительной, чѣмъ созерцательной. Чисто кабинетнымъ занятіямъ притомъ не благопріятствовалъ духъ времени и обще-

(15) Чт. Имп. Общ. Ист. и Древп. 1846 г. № 4, стр. 7

ства, отнюдь не направленный къ умственнымъ интересамъ; въ дѣятельности же политической, въ управленіи массаами, въ идеи власти есть какая-то неотразимая прелесть, столь осязательная, если можно такъ выразиться, что ни въ какую эпоху человѣкъ не оставался ей чуждъ. И теперь много ли есть безкорыстно высокихъ душъ, для которыхъ тихое наслажденіе, даруемое наукою, не покажется блѣднымъ, безжизненнымъ въ сравненіи съ упоеніемъ одержанной побѣды, съ торжествомъ удавшагося замысла? Многие ли не промѣняютъ сочувствіе нѣсколькихъ избранныхъ умовъ на рукоплесканія цѣлаго народа, на повиновеніе миллионновъ? Царевна отдалась обаятельной прелести честолюбія. Эта новая, или доселѣ таившаяся безвѣстно въ глубинѣ ея души страсть вспыхнула,—и среди жгучихъ ощущеній надежды, страха, заботы, среди сильнѣе и сильнѣе запутывавшихся отношеній, забыты, навсегда забыты были мирныя наслажденія, открытыя ей Полоцкимъ!...

И выборъ лицъ, окружавшихъ царевну, и давнишнее нерасположеніе ея къ Наталіи Кириловнѣ, и кровная связь съ Иоанномъ, и наконецъ увѣренность во имя ето управлять государствомъ, а съ другой стороны невозможность одолѣть Матвеева и вдовствующую царицу съ ея родственниками въ умѣ Петра, все это рѣшило ея политическую роль.

Въ первый разъ является она на сценѣ политической у постели умирающаго царя, и является здѣсь такою, какою осталась всю жизнь: вкрадчивою, неотразимою для тѣхъ, къмъ она хотѣла овладѣть. Скоро успѣла она почти совершенно отдалить царицу отъ ея супруга, который естественно находилъ болѣе отрады въ разумныхъ попеченіяхъ своей сестры, нежели въ бесполезныхъ рыданіяхъ царицы. Чтò говорила Софія Феодору Алексѣевичу, склонясь надъ его изголовьемъ,—осталось тайной для исторіи. Смерть постигла пресѣчь дѣло царевны: она не успѣла склонить царя къ назначенію себѣ преемникомъ старшаго изъ двухъ братьевъ, но и Петръ не былъ признанъ наследникомъ. Это былъ уже важный успѣхъ: рѣшеніе великаго вопроса отсрочивалось,—а выиграть время для царевны значило увеличить вѣроятность побѣды; отнынѣ вопросъ о престолонаслѣдіи могъ разрѣшиться не иначе какъ борьбою двухъ партій.

Вникнемъ внимательнѣе въ составъ каждой изъ нихъ. Приверженцы Петра считали въ рядахъ своихъ лучшія имена тогдашней

аристократіи, каковы были Одоевскіе, Голицыны, Долгорукіе, Черкасскіе, Троекуровы, Ромодановскіе, Куракины, Лыковы, Урусовы, Репнины, Шереметевы и многіе другіе. Въ старой Россіи, гдѣ такъ строго соблюдались разграниченія, гдѣ простолюдины кланялись до земли всякому боярину (16), много значило имѣть на своей сторонѣ большую часть родовой и служебной аристократіи; духовенство, и въ главѣ его патріархъ, было также расположено къ Петру, сыну щедрой къ церквамъ, набожной Наталіи Кириловны; къ нему же наконецъ, какъ уже сказано, было обращено и народное сочувствіе. Но многіе изъ приверженцевъ Петра и его матери не любили Нарышкиныхъ, и отъ этого партія эта не имѣла цѣлости; народъ, напримѣръ, преданный молодому царевичу и царицѣ, не любилъ ихъ родню, непривѣтливую и надменную; то же самое должны были чувствовать весьма многіе вельможи, которые не безъ основанія считали себя выше Нарышкиныхъ какъ по происхожденію, такъ и по заслугамъ и живо сохранившимся еще расчетамъ мѣстничества. Наконецъ главнымъ несчастьемъ партіи было то, что она не имѣла руководителя. Петръ былъ еще почти младенецъ, дѣдъ же и дядя его, какъ люди слишкомъ посредственные, не могли стать во главѣ партіи, особенно при трудныхъ обстоятельствахъ того времени. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, надежды партіи обратились на Артамона Сергѣевича Матвеева, котораго и по опытности его въ дѣлахъ, и по любви къ нему народной, и по близкимъ отношеніямъ къ Наталіи Кириловнѣ всѣ признавали единственнымъ человѣкомъ, способнымъ управлять интересами и силами приверженцевъ Петра. По этому, какъ сказано, важнымъ дѣломъ для этой партіи было перемѣщеніе Матвеева въ Лухъ, откуда онъ могъ при первой надобности явиться въ Москву,

Совсѣмъ другое зрѣлище представляла противная партія. Въ ней насчитывалось мало именъ: сама царица Софія, Иванъ Милославскій, племянникъ его Александръ, да двое другихъ его родственниковъ, Толстыхъ, — и только. Но эта партія имѣла на своей сторонѣ то важное преимущество, что она была сильно связана единствомъ цѣли и воли. Притомъ она опиралась на вооруженную и организованную массу стрѣльцовъ. Чтобъ хорошенько

(16) Полное Собрание Законовъ Россійской Имперіи, царствованія Θεодора Алексѣевича, т. I.

уразумѣть, какимъ образомъ Софія и Милославскій могли привить свои интересы стрѣльцамъ, необходимо нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Стрѣлецкое войско, учрежденное Іоанномъ IV, много потеряло своей прежней значительности. Самая организація этого войска заключала въ себѣ причины будущаго его упадка. Это была первая рать, нѣсколько регулярная и существовавшая на иждивеніи государства. Стрѣльцы получали жалованье; но такъ какъ тогдашняя Россія была слишкомъ бѣдна монетою, то жалованья этого было имъ недостаточно для содержанія въ постоянной исправности своего оружія и для продовольствія себя съ семействами. Поэтому имъ разрѣшено было заниматься земледѣліемъ и торговлею, въ которой даже пользовались они многими льготами. На такомъ основаніи жили стрѣльцы отдѣльными слободами въ Москвѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ и по границамъ, въ крѣпостяхъ и острогахъ. Можно вообразить себѣ, что этимъ осѣдлымъ и осемьянившимся людямъ не было большой охоты выступать по призыву царскому въ походъ; война была для нихъ уже не ремесломъ, а помѣхою въ главныхъ ихъ занятіяхъ. Поэтому—то они приносили съ собою въ рать лишь печаль объ отставленныхъ ими семействахъ и равнодушіе къ славѣ оружія, а въ дома свои, въ гражданскую сферу, буйныя привычки лагерной жизни.

По всѣмъ этимъ причинамъ мнѣніе общественнос не было въ пользу стрѣльцовъ; никто изъ людей нѣсколько значительныхъ не шелъ даже въ начальники стрѣлецкіе (17); самыхъ полковниковъ надобно было назначать туда силою, либо брать ихъ безъ всякаго разбора. Такъ дѣйствительно и было: командиры стрѣлецкихъ полковъ были люди далеко не строгой честности, и поступали на эти мѣста съ слоекорыстными видами. Они заставляли своихъ подчиненныхъ работать у себя на огородахъ, на подворьяхъ (18), позволяли имъ за деньги откупаться отъ службы, жестоко наказывали ихъ и даже заставляли на свой счетъ чинить и строить лафеты артиллерійскихъ орудій, барабаны и т. п. (19).

(17) Челобитная Акинфія Данилова и Никиты Глѣбова, сообщенныя во многихъ сочиненіяхъ, о непоставленіи имъ и ихъ родственникамъ въ укоръ и поношеніе ихъ полковничьей въ стрѣлецкомъ войскѣ службы.

(18) Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 254.

(19) Тамъ же. № 255.

Если такія злоупотребленія совершались въ полкахъ московскихъ, то что же должно было происходить на украинской, на сибирской, на шведской границахъ! И это были злоупотребленія не случайныя или мѣстныя, но всеобщія и давно укоренившіяся (20). Слѣдовательно, вполнѣ признавая, что между стрѣльцами царствовалъ духъ буйства и своеволия, что военныя доблести ихъ были невелики, нельзя не согласиться, что они съ своей стороны имѣли причины жаловаться на своихъ начальниковъ.

Приказомъ Стрѣлецкимъ управляли въ послѣднее время князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и бояринъ Языковъ. Первый изъ нихъ, заслуженный воинъ, былъ уже слишкомъ старъ, чтобъ дѣятельно участвовать въ управленіи обширнымъ своимъ вѣдомствомъ; Языковъ же былъ слишкомъ занятъ сохраненіемъ власти своей при дворѣ, чтобъ имѣть время заниматься всѣми обязанностями, возложенными на него довѣренностію царя. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Θεодора была подана челобитная отъ стрѣльцовъ полка Пыжова на притѣсненія этого полковника. Государь передалъ челобитную по принадлежности Языкову, а Языковъ, не думая долго, велѣлъ жестоко наказать челобитчиковъ, и тѣмъ кончилось дѣло (21). Разумѣется, такое рѣшеніе не могло удовлетворить стрѣльцовъ; начальниковъ же ихъ только поощрило къ злоупотребленіямъ. За нѣсколько дней до смерти Θεодора Алексѣевича была подана новая жалоба отъ имени всего полка на полковника Семена Грибоѣдова. Это упорство стрѣльцовъ изумило и обезпокоило Языкова; но царь былъ тогда при смерти, и какъ на очереди стояли вопросы гораздо бѣльшей важности, то любимцу не достало времени заняться разборомъ челобитной. Онъ велѣлъ посадить въ тюрьму Грибоѣдова на одинъ день и поспѣшилъ къ одру умирающаго царя.

Такой судъ, безъ всякаго разбирательства, приговоръ на *скорую руку* раздражалъ стрѣльцовъ, и неудовольствіе ихъ готово было обнаружиться какимъ нибудь энергическимъ образомъ не только противъ своихъ полковниковъ, но противъ самаго правительства.

Партія царевны поспѣшила воспользоваться этимъ состояніемъ умовъ стрѣлецкаго войска. Первоначальныя сношенія между этою

(20) Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 254.

(21) Записки Медведева, изд. Сахаровымъ.

партією и недовольными были открыты посредствомъ Александра Милославскаго и Толстыхъ Ивана и Петра. Они обратились къ полковникамъ Цыклеру и Озерову, людямъ, пользовавшимся вліяніемъ между стрѣльцами. Склонить ихъ на свою сторону было не трудно: люди небогатые, незнатные, но честолюбивые, они легко могли податься на приманку повышеі, корысти, извѣстности; на обѣщанія же въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно не скупаются. Цыклеръ и Озеровъ охотно приняли сторону царевны и общали употребить все свое вліяніе, чтобъ расположить и все войско въ ея пользу.

Таковъ былъ видъ, который представляли Дворъ и Москва вообще, когда 27-го апрѣля печальный звонъ большого колокола возвѣстия о кончинѣ Θεодора. По этому сигналу всѣ бросились въ Кремль, люди всѣхъ званій и всѣхъ партій. Умы были полны смущенія; всѣхъ безпокоила неизвѣстность будущаго, и всякій сиѣшилъ узнать рѣшеніе важнаго вопроса о престолонаслѣдіи.

Тѣло покойнаго царя было уже выставлено на парадномъ одрѣ. Богатые и бѣдные, знатные и черные, всѣ были допущены въ чертоги царскіе. Но пока народъ, жадный до всякаго рода зрѣлищъ, веселія ли они или печальныя, толпился вокругъ праха вчерашняго своего владыки и прощался съ нимъ, цѣлуя его руку,—патріархъ съ духовенствомъ и знатнѣйшіе свѣтскіе сановники удалились въ переднюю палату (22), чтобъ совѣщаться о томъ, кому быть царемъ на Руси.

Патріархомъ въ то время былъ Іоакимъ. Положивъ одну руку на святое Евангеліе, въ другой держа животворящій крестъ, онъ сказалъ собравшимся вокругъ него сановникамъ (23): «Царь Θεодоръ Алексѣевичъ отошелъ въ вѣчное блаженство; чадъ по немъ не оставалось, но остались братія его, царевичи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Царевичъ Іоаннъ шестнадцатилѣтенъ, но *одержимъ скорбію* и слабъ здоровьемъ; царевичъ же Петръ девя-

(22) Принимаемъ въ руководство рассказъ Крекшина, какъ болѣе прочихъ подробный, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ противорѣчитъ офиціальнымъ документамъ.

(23) Избраніе Петра разказано иначе въ Запискѣ Посольскаго Архива, но противъ этого сказанія свидѣлствуютъ Записки Рязанскаго Архива, царскія грамоты въ полномъ Собраніи Законовъ и Записки современниковъ (изданныя Сахаровымъ).

тилѣтенъ. Изъ сихъ двухъ братьевъ кто будетъ наслѣдникомъ престола россійскаго? Кого наменуемъ въ цари всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи? Единый, или оба будутъ царствовать? Спрашиваю и требую, чтобъ сказали истину по совѣсти, какъ предъ престоломъ Божиимъ; кто же изречетъ по страсти, да будетъ тому жребій измѣнника Іуды.»

Не взирая на увѣщаніе и угрозу первосвятителя, позволительно думать, что страсти въ эту минуту не дремали: для той и другой партіи рѣшался вопросъ *быть или не быть*. По этому мы не можемъ допустить, чтобъ рѣшеніе этого собранія было произнесено такъ единодушно и спокойно, какъ свидѣлствуютъ дошедшіе до насъ, большею частію офиціальныя документы. Большинство присутствующихъ было расположено къ Петру, ибо состояло почти исключительно изъ вельможъ и духовенства, и потому весьма понятно, что младшій царевичъ восторжествовалъ въ этомъ собраніи. Но за чѣмъ рѣшеніе перваго собранія было потомъ предложено на утверженіе народу? Какъ извѣстно, обычай совѣщаній народныхъ давно исчезъ въ Россіи; кто же могъ сдѣлать подобное предложеніе? Очевидно приверженцы Софіи, которые, опираясь на расположеніе нѣкоторой части стрѣльцовъ, могли ожидать въ приговорѣ массы народной болѣе благопріятнаго для себя рѣшенія. Заключение наше не опирается, правда, ни на одною словѣ ни въ офиціальныя документы, ни даже въ частныхъ извѣстіяхъ; но тогда ни въ Россіи, ни въ другихъ государствахъ не существовало обычая обнародывать самыя пренія, а объявлялся только результатъ ихъ: такъ дѣлало правительство въ своихъ офиціальныя актахъ, того же обычая держались и частныя люди, когда вели свои записки. Много любопытнѣйшихъ подробностей погибло такимъ образомъ для насъ безъ всякаго слѣда. Но мы ни чѣмъ иначе не можемъ объяснить намѣреніе собранія подвергнуть новымъ случайностямъ утвержденное уже рѣшеніе, какъ вліяніемъ партизановъ Софіи. Отважившись на это, патріархъ вышелъ на Красное крыльцо, у котораго густою толпою стоялъ народъ. При видѣ святителя, сопровождаемаго важнѣйшими сановниками духовнаго и свѣтскаго чина, смолкнулъ смутный говоръ толпы, головы обнажились, и посреди глубокаго безмолвія патріархъ произнесъ: «Извѣстно вамъ, благочестивые христіане, что благословенное Господомъ царство Русское было подъ державою

блаженныя памяти великаго государя царя Михаила Феодоровича, а по немъ державу наслѣдовалъ блаженныя же памяти царь Алексѣй Михайловичъ. По его преставленіи былъ восприемникомъ престола благочестивый государь, царь Феодоръ Алексѣевичъ, самодержецъ всея Россіи. Нынѣ же, изволеніемъ Всевышняго, переселился онъ въ безконечный покой, оставя братьевъ, царевичей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Изъ нихъ, царевичей, кому быть царемъ всея Россіи? Да объявятъ о томъ свое единодушное рѣшеніе.»

Не безъ надежды и не безъ тревоги ожидали обѣ партіи народнаго приговора. Но еще Софія не успѣла преклонить на свою сторону большинства; тщетно нѣкоторые ея агенты, набранные изъ буйной сволочи, которою обильны всегда большіе города, пытались провозгласить Іоанна: изъ всей этой густой толпы возвысился одинъ голосъ, одинъ приговоръ: «Да будетъ царемъ Петръ!» Патріархъ благословилъ народъ и произнесъ: «Ему одному, или вмѣстѣ съ братомъ царствовать?» и шумный голосъ народа еще разъ отвѣтствовалъ ему: «Да будетъ царь Петръ единымъ самодержцемъ всея Россіи!» (23).

Съ этимъ рѣшеніемъ патріархъ возвратился въ палаты царскія, чтобъ волею народа наречь на царство Петра. Благословивъ его, онъ сталъ на колѣна и сказалъ: «Престоль всероссійскій вдовствуетъ по кончинѣ государя Феодора Алексѣевича. Отъ имени всего нарѣда православнаго молю тебя, пріими скипетръ прародителей твоихъ и благоволи быть нашимъ царемъ!» Петръ поднялъ престарѣлаго святителя, говорилъ, что чувствуетъ себя еще слишкомъ юнымъ для управленія царствомъ, и просилъ предоставить престоль старшему брату. Но патріархъ, поддерживаемый присутствующими, повторилъ, что таково желаніе народа, и упомянулъ объ умственныхъ и физическихъ несовершенствахъ Іоанна. «Государь, говорилъ онъ, не презри моленія рабовъ твоихъ!» И не ожидая отвѣта, осѣнилъ его крестомъ и нарекъ царемъ всея Россіи, а архидіаконъ возгласилъ ему многолѣтіе. Весь бывший при этомъ святительскій ликъ повторилъ сго, а думный дьякъ, вышедъ на Красное крыльцо, объявилъ народу о соизволеніи Петра принять державу и скипетръ Мономаха:

(24) Многіе современники не упоминаютъ объ этомъ вторичномъ вопросе патріарха; но не сдѣлавши сего, онъ подалъ бы поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ: такую опрометчивость трудно предполагать.

Въ тотъ же день Москва цѣловала крестъ новому царю и во всѣ концы государства были разосланы гонцы съ этимъ извѣстіемъ.

Такъ совершилось избраніе Петра. Возведенный на престолъ волею народа, онъ могъ ожидать спокойствія и тишины. Нарышкины торжествовали; но партія противная не считала еще своего дѣла окончательно проиграннымъ. Окруженная своими сестрами, на которыхъ она имѣла сильное вліяніе, царица Софія въ мучительномъ безпокойствѣ ожидала рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи. Пока происходили совѣщанія бояръ и духовенства, она не теряла надежды, полагаясь на преданность къ ней народа. Но, когда до нея долетѣло имя Петра, произнесенное тысячью устъ, тогда, не въ состояніи будучи владѣть собою, она воскликнула «избраніе это не право! Петръ еще юнъ и неразуменъ; Іоаннъ же совершеннѣе; онъ долженъ быть царемъ!» Не ограничиваясь этимъ протестомъ, невольно вырвавшимся изъ уязвленной груди, царица пригласила къ себѣ патріарха и требовала, чтобъ онъ, во имя законности и первородства, уничтожилъ народное избраніе. Пылкая кровь Софіи кипѣла, затмевая разсудокъ! Патріархъ разумѣется отвѣчалъ, что избраніе совершено уже, и что измѣнить его нельзя. — «Пусть по крайней мѣрѣ оба царствуютъ!» воскликнула царица. — «Многочасіе пагубно, отвѣчалъ благоразумный старецъ: да будетъ единъ царь: такъ угодно Богу!» (25).

Но если пылкая природа Софіи Алексѣевны увлекала ее иногда слишкомъ далеко, то разсудокъ въ ней былъ довольно силенъ, чтобъ одержать наконецъ побѣду: она увидѣла неблагоразуміе и бесполезность своихъ словъ и поспѣшила загладить ихъ, предложивъ своимъ сестрамъ немедленно идти поздравить новаго царя.

Возшествіе на престолъ Петра ознаменовалось обыкновеннымъ въ то время возвышеніемъ однихъ царедворцевъ и паденіемъ другихъ. Любимецъ покойнаго царя, Языковъ, долженъ былъ сойти съ политической сцены. Милославскій тоже удалился отъ дѣлъ, за Матвеевымъ же былъ посланъ гонецъ съ приказаніемъ возвратиться въ Москву. Это возвращеніе Матвеева было общимъ желаніемъ всѣхъ Петровыхъ приверженцевъ, которые на него возлагали главныя надежды свои; самъ же царь и его родительница спѣшили уплатить ему старый долгъ благодарности. Притомъ, если не всѣ знали тайныя замыслы царицы, то ея сопротивленіе из-

(25) Крекшинъ, стр. 32.

бранию Петра, ея старанія въ пользу Іоанна, наконецъ смутныя извѣстія о сношеніяхъ ея партизановъ съ недовольными стрѣльцами должны были убѣдить всѣхъ, что опасность еще не миновалась и что люди преданные теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, нужны у престола. Царевна между тѣмъ усилила свои интриги; агенты ея, бродя по слободамъ стрѣлецкимъ, воспаляли недовольныхъ. «Чего, говорили они, ожидать вамъ въ правленіе младенца, окруженнаго вашими врагами, когда при покойномъ царѣ, который былъ благъ и совершеннѣе, вамъ чинимы были такія притѣсненія? Припомните, какой судъ, какую расправу далъ вамъ Языковъ, когда вы жаловались на вашихъ полковниковъ: Нарышкины сдѣлаютъ хуже! Не такъ было бы, продолжали возмутители, еслибъ царствовалъ Іоаннъ Алексѣевичъ, котораго окружаютъ доброжелательные вамъ бояре! Но злодѣи Нарышкины, которые своими бѣгунами топчутъ православный народъ на улицахъ, отдалили царевича нашего отъ законнаго достоянія! Недовольные этимъ, они только ищутъ случая, чтобъ вовсе извести его, и за малолѣтствомъ Петра, будутъ сами управлять государствомъ. Тогда наступитъ для васъ дни, горшіе прежнихъ!»

Такія рѣчи сильно волновали стрѣльцовъ; но не вовсе еще отрѣшившись отъ повиненія, они попытались еще разъ, по прежнему примѣру, подать царю новую челобитную на несносныя притѣсненія своихъ начальниковъ. Въ то время въ Москвѣ было, по официальнымъ документамъ (26), девятнадцать стрѣлецкихъ полковъ, заключавшихъ 14,198 человекъ, да кромѣ того нѣсколько регулярныхъ, *солдатскихъ* полковъ. Изъ этого числа весьма немногіе, не раздѣляя общаго неудовольствія, не участвовали въ челобитной, поданной царю, которая касалась шестнадцати полковниковъ стрѣлецкихъ и одного солдатскаго генерала (27).

Новое правительство, надѣясь, безъ сомнѣнія, снисходительностію привлечь недовольныхъ, не изслѣдуя ни вины полковниковъ, ни справедливости челобитчиковъ, не вникая въ дѣло, которое однакожь стоило вниманія, велѣло обвиненныхъ *выдать головою* самимъ стрѣльцамъ (28). Патріархъ, игравшій во все это смутное время вполне приличную своему званію роль, почувствовалъ всю жестокость и неблагоразуміе такой мѣры. Не въ состояніи бу-

(26) Акт. Арх. Экс., т. IV, № 280.

(27) Акт. Арх. Экс., т. IV, № 254.

(28) Медвѣдева, стр. 7.

лучи отмѣнить рѣшенія, онъ поспѣшилъ послать къ стрѣльцамъ почетнѣйшихъ духовныхъ особъ, которые наконецъ уговорили ихъ предоставить наказаніе обыкновеннымъ властямъ. Но правительство рѣшилось до конца угождать недовольнымъ стрѣльцамъ; немедленно былъ изготовленъ указъ, въ которомъ исчислялись всѣ притѣсненія и неправды, приведенныя челобитчиками, исчислялись безъ изслѣдованія, безъ повѣрки, и въ заключеніе написанъ приговоръ, а именно: отрѣшить виновныхъ отъ командованія, отобрать чины, жалованныя деревни, заставить уплатить челобитчикамъ по ихъ искамъ и наконецъ бить публично батогами (29). Мѣра и жестокая и несправедливая! Вѣримъ, что жалобы стрѣльцовъ имѣли основаніе; но челобитная была подана 30 апрѣля, а въ первыхъ числахъ мая послѣдовало рѣшеніе. Спрашиваемъ: могло ли быть въ эти нѣсколько дней произведено хоть что-либо похожее на изслѣдованіе? А между тѣмъ дѣло шло о чести семнадцати человѣкъ, людей болѣе или менѣе заслуженныхъ! Вступительное дѣйствіе Нарышкиныхъ не сбѣщало много хорошаго. Кромѣ жестокости, въ этомъ поступкѣ было величайшее неблагоразуміе. Твердость и справедливость составляютъ главныя и надежныя основанія власти; слабость же въ отношеніи однихъ неизбежно обращается въ жестокость и притѣсненіе въ отношеніи къ другимъ, и никому не внушаетъ ни уваженія, ни привязанности.

Таковъ и въ самомъ дѣлѣ былъ результатъ этого приговора. Стрѣльцы ни сколько не преклонились на сторону Нарышкиныхъ, а своеволюство ихъ перешло всякія границы. Собираясь многочисленными сходбищами на площадяхъ, въ баняхъ, въ питейныхъ домахъ, они громко и дерзко высказывали свое предпочтеніе къ старшему царевичу: «Противниковъ Юанна всѣхъ побьемъ, говорили они, и его возведемъ на престолъ!» Начальниковъ своихъ они ни во что не ставили, и если кто изъ нихъ осмѣливался унимать ихъ буйство, того они били, увѣчили, или, втащивши на каланчи своихъ съѣзжихъ избъ (30), сбрасывали оттуда «съ такою силою,» замѣчаетъ одинъ изъ современниковъ, «что никто изъ тѣхъ людей живъ не остался.»

Царевна Софія радовалась этому безначалію и искусно имъ пользовалась. Всѣ значительнѣйшія лица стрѣлецкаго войска бы-

29) Акт. Арх. Экс., т. IV, № 254.

(30) То есть полковыхъ дворовъ.

ли ей уже преданы: вслѣдъ за Цыклеромъ и Озеровымъ подполковники Петровъ, Черный, Одинцовъ стали въ ряды ея приверженцевъ. Каждую ночь они тайкомъ пробирались въ домъ Милославскаго, сообщали ему извѣстія о ежедневныхъ своихъ успѣхахъ, получали новыя приказанія и возвращаясь въ полки свои, распространяли клеветы противъ Нарышкиныхъ, возбуждали участіе къ несправедливо обойденному, будто бы, царевичу Іоанну и искусно примѣшивали имя царевны. Не довольствуясь этими сношеніями чрезъ посредство людей ей мало извѣстныхъ, царевна нашла въ постельницѣ своей, украинской казачкѣ, Феодорѣ, по прозванію Родимицѣ, надежный и прямой путь дѣйствовать на умы стрѣльцовъ. Чрезъ нее царевна имѣла безпрестанныя и вѣрныя свѣдѣнія объ успѣхахъ своего дѣла, о состояніи умовъ, и чрезъ нее же пересылала значительныя суммы для врученія нужнымъ ей людямъ. Такимъ образомъ почти все стрѣлцкое войско было въ рукахъ царевны. Изъ девятнадцати полковъ, находившихся тогда, какъ сказано, въ Москвѣ, только Полтевъ, Жукоскій и Стремянный сопротивлялись ея вліянію, но наконецъ и они увлеклись примѣромъ своихъ товарищей; одинъ лишь Сухаревскій, благодаря вліянію пятисотеннаго Бурмистрова и пятидесятника Борисова, удержался въ границахъ долга. За то между солдатскими полками значительно распространился духъ мятежа, и одинъ изъ нихъ, Бутырскій, весь присталъ къ царевнѣ.

Планъ руководителей всего этого движенія заключался въ слѣдующемъ: произвести мятежъ между стрѣльцами—что было не трудно,—обратить этотъ мятежъ противъ двора, противъ Нарышкиныхъ и прочихъ бояръ (31), ненавистныхъ Милославскому и Софіѣ, низвергнуть или умертвить Петра и возвести Іоанна... Какъ видно, Милославскій и Софія не останавливались ни передъ препятствіями, ни передъ преступленіями! Милославскій составилъ списокъ боярамъ, которыхъ смерть онъ считалъ для себя необходимою, и списокъ этотъ сообщилъ стрѣльцамъ. Все, казалось, было готово; можно было начинать...; Одно обстоятельство заставило заговорщиковъ пріостановиться: въ Москву долженъ

(31) Мы чувствуемъ, что часто неправильно употребляемъ слово бояре, но не знаемъ чѣмъ его замѣнить: вельможи? это слово вѣриѣ передаетъ мысль, но оно слишкомъ ново для той эпохи; впрочемъ сами современники,—смотри Записки русскихъ людей,—безъ разбора называютъ боярами всѣхъ знатныхъ свѣтскихъ людей.

былъ прибыть черезъ нѣсколько дней истинный предводитель Нарышкинской партіи, Артамонъ Сергѣевичъ Матвеевъ: онъ стоялъ первымъ въ роковомъ спискѣ Милославскаго (32).

Выше сказано было, что по воцареніи Петра отправленъ былъ гонецъ въ городъ Лухъ съ повелѣніемъ Матвееву спѣшить въ Москву. Радуюсь возвышенію своихъ друзей, и оплакивая смерть Осодора (говорятъ его біографы), пустился онъ въ путь. На дорогѣ встрѣтилъ его думный дворянинъ Лопухинъ (33), который отъ имени молодого царя объявилъ ему прежнюю честь боярства; наконецъ въ селѣ Братовщинѣ, недалеко отъ Москвы, братъ царицы, Аѳанасій Кириловичъ, встрѣтилъ его со *здоровьемъ* отъ Наталіи Кириловны. Такимъ образомъ возвращеніе Матвеева въ Москву имѣло видъ торжественнаго шествія. Видя изливающуюся на него царскую милость, да и питая въ самомъ дѣлѣ къ нему уваженіе, власти тѣхъ городовъ, чрезъ которые надо было ему проѣзжать, и настоятели монастырей выходили къ нему на встрѣчу, угощали его. Чѣмъ ближе подвигался Матвеевъ къ Москвѣ, тѣмъ радостнѣе и торжественнѣе былъ его путь. Грустно было ему конечно увидѣть домъ свой, въ которомъ такъ часто принималъ онъ царя, запустѣвшимъ, и дворъ—заросшимъ травою, но этотъ дворъ, эти давно безлюдныя покои скоро опять наполнились посѣтителями. Колымаги, кареты, верховые кони съ цѣлыми эскадронами стремящихся, вершниковъ, слугъ, — необходимая принадлежность при выѣздахъ знатныхъ людей, — тѣснились на дворѣ; комнаты же были наполнены боярами, околыничными, генералами, полковниками, дворянами, сановниками всѣхъ чиновъ, которые наперерывъ спѣшили привѣтствовать вчерашняго изгнанника. Между этими людьми было не мало такихъ, которые, принадлежа къ партіи царицы, находились тутъ единственно для того, чтобъ скрыть свои тайныя козни; много отъявленныхъ враговъ Матвеева тѣснилось въ его покояхъ; одинъ изъ нихъ однакожь, самый непримиримый и самый опасный, Милославскій, отклонилъ отъ себя непріятность подобнаго притворства, распространивъ молву о своей болѣзни (34).

(32) Матвеевъ, стр. 18.

(33) Въ «Исторіи о невинномъ заключеніи» сказано Лопухинъ.

(34) «Тотъ вышеупомянутый бояринъ (Милославскій) подъ вымысломъ «якобы приключившейся ему самой жестокой болѣзни, но больше для

За то тѣмъ дѣятельнѣе работалъ онъ въ Стрѣлецкой слободѣ. Самый равнодушный глазъ могъ бы замѣтить по всей Москвѣ волненіе, безпокойство и боязливое ожиданіе чего-то неизвѣстнаго, обыкновенно предшествующія политическимъ кризисамъ. У стрѣльцовъ лилось вино, и мятежныя сходбища шумѣли среди бѣлаго дня. Безъ всякаго приказа со стороны начальства у сѣзжихъ полковыхъ избъ вдругъ слышался барабанный бой или раздавался набатъ, и стрѣльцы, схвативъ бердыши, мушкеты, кто что могъ, сбѣгались слушать возмутительныя воззванія, приучаясь вмѣстѣ съ тѣмъ быть всегда готовыми по сигналу своихъ руководителей.

15 мая рано утромъ грянули барабаны стрѣлецкіе, загудѣли набатные колокола и вооруженные стрѣльцы (35) сбѣгались къ своимъ полковымъ дворамъ. Между тѣмъ какъ они толпились, выстраивались, шумѣли,—примчались Петръ Толстой и Александръ Милославскій, крича, что Нарышкины удушили царевича Юанна, и убѣждая стрѣльцовъ поспѣшать въ Кремль. Въ то же время съ Ивана Великаго раздался набатъ, какъ будто въ подтвержденіе этихъ словъ. Подготовленные къ такимъ извѣстіямъ, стрѣльцы не спрашивали ни какихъ доказательствъ и кинулись бѣгомъ, обрубивъ древки у копій для облегченія, и влача за собою пушки. «Злодѣи Нарышкины, говорили стрѣльцамъ агенты Милославскаго, выбрали для совершенія своего преступленія тотъ же день, въ который пролита такими же злодѣями кровь святаго Димитрія Царевича въ Угличѣ»... И обманутые, раздраженные стрѣльцы кричали: «изведемъ всѣхъ измѣнниковъ и губителей царскаго рода!»

Между тѣмъ со стороны правительства не было принято никакихъ мѣръ предосторожности или защиты. Съ утра Матвеевъ былъ во дворцѣ; около полудня онъ собирался домой, ожидая на крыльцѣ людей своихъ, когда князь Федоръ Семеновичъ Урусовъ прибѣжалъ испуганный, разстроенный, и объявилъ ему, что стрѣльцы взбунтовались и идутъ къ Кремлю. Тотчасъ было приказано караульному тогда подполковнику Стремяннаго полка, Горюшкину, запереть всѣ ворота кремлевскія. Но приказанія не лезя было исполнить: всѣ выходы были заняты стрѣльцами (36). Ужасъ распространился по всему дворцу, со всѣхъ сторонъ туда сбѣга-

«молвы той въ народѣ о себѣ, горячими отрубями и кирпичами жегъ себя»... Матвеевъ.

(35) Бутырскіе солдаты тоже.

(36) Стремянный полкъ при томъ, какъ было сказано, и самъ былъ на стоорнѣ мятежа.

лись царедворцы—одни для того, чтобъ защищать престолъ, другіе, чтобъ найти безопасность на его ступеняхъ. Ихъ испуганныя лица, ихъ преувеличенные разказы только умножали всеобщее смятеніе, и никто не подалъ добраго совѣта, никто не оказалъ твердости, энергіи и благоразумія!.. Возмущившаяся толпа между тѣмъ ворвалась въ Кремль и залила всѣ улицы и площади. Бердыши, мушкеты сверкали у самыхъ оконъ Грановитой Палаты; изъ чертоговъ царскихъ явственно слышны были неистовые крики стрѣльцовъ, требовавшихъ смерти царевичей, Нарышкиныхъ. «Если не выдадутъ намъ Нарышкиныхъ, кричали они, всѣхъ перебьемъ!»

Судя по этимъ крикамъ, вся причина мятежа заключалась въ мнимой смерти Іоанна. Ближайшіе совѣтники царицы предложили ей показать народу обоихъ царевичей: можно было надѣяться, что видъ ихъ обоихъ, здоровыхъ и невредимыхъ, обезоружитъ мятежниковъ. Царевичей дѣйствительно вывели на Красное крыльцо, и волненіе нѣсколько успокоилось. Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ, желая удостовѣриться, что ихъ не обманываютъ, всходили на верхъ, чтобъ ближе разсмотрѣть того, въ смерти котораго ихъ увѣряли. Они спрашивали его: «Ты ли царевичъ Іоаннъ, и кто изъ бояръ измѣнниковъ тебя изводитъ?» Отвѣтъ Іоанна разумѣется былъ такого рода, что отнималъ по крайней мѣрѣ предлогъ къ мятежу. Обманутые и пристыженные стрѣльцы начинали уже переглядываться между собою; шумъ утихалъ, только изрѣдка слышались отдѣльные, неповторяемые крики о выдачѣ Матвеева и Нарышкиныхъ; крики эти были очевидно послѣдними раскатами народной грозы. Понимая, что настала минута, когда толпа дѣлается чувствительна къ голосу убѣжденія и разсудка, Матвеевъ, изможденный долгими страданіями, посѣдѣвшій въ ссылкѣ, но сохранившій еще величавыя и пріятныя черты лица (37), вышелъ къ народу, чтобъ нѣсколькими словами возвратить мятежниковъ къ долгу. Онъ говорилъ стрѣльцамъ о прежнихъ ихъ походахъ, которые онъ дѣлалъ съ ними, говорилъ о долгѣ вѣрноподданничества, о святости присяги, и убѣждалъ прекратить мятежное дѣло, которымъ помрачаютъ прежнія заслуги. Многіе, слышавшіе слова Матвеева и видѣвшіе его почтенныя сѣдины, были тронуты; нѣкоторые даже просили его заступленія и ходатайства предъ ца-

(37) Таковъ портретъ его, приложенный къ «Исторіи о невинномъ заключеніи боярина Матвеева» и въ Московскомъ Архивѣ М. И. Д.

ремъ. Мятежъ близокъ былъ къ окончанію, и Матвеевъ, возвратясь во дворець, объявилъ радостную вѣсть, что народъ успокоился и начинаетъ 'расходиться.

Но противная партія не дремала. По распоряженію Софіи выкачено было на площадь нѣсколько бочекъ вина (38), и умы, едва начинавшіе успокоиваться, снова стали приходить въ броженіе. Въ это время вышелъ къ стрѣльцамъ князь Михайло Юрьевичъ Долгорукій, назначенный, послѣ паденія Языкова, управлять, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, Стрѣлецкимъ Приказомъ. Уже самое появленіе его не могло произвести благопріятнаго впечатлѣнія: оно напомнило стрѣльцамъ начальство, которымъ они имѣли можетъ быть справедливыя причины быть недовольными;—къ довершенію несчастія, князь Долгорукій заговорилъ тономъ повелительнымъ, сталъ угрожать, бранить, приказывать.. Стрѣльцы вспыхнули; кинулись на него и сбросили съ крыльца внизъ, гдѣ другіе, подхвативъ его на копья, въ одно мгновеніе растерзали на части.

Это было сигналомъ къ страшнымъ убійствамъ и насиліямъ, которыя не прекращались цѣлые три дня и распространились на весь городъ. Наклонивъ копья, съ неистовыми криками бросились стрѣльцы на царское крыльцо, ворвались въ чертоги и стали бить и ломать все попадавшееся имъ, требуя ненавистныхъ имъ бояръ. Смятеніе придворныхъ было неописанно. Не думая о сопротивленіи, они искали гдѣ бы только укрыться. Семья царская съ немногими истинно преданными ей боярами удалились во внутренніе покои. Но разъяренная толпа не пощадила и этого убѣжища. Увидѣвъ Матвеева, стрѣльцы кинулись на него; царица хотѣла защитить своего воспитателя, но онъ былъ силою вырванъ изъ ея рукъ. Почтенный князь Михайло Алегуковичъ Черкасскій, намѣстникъ казанскій, старый и мужественный воинъ, не щадя себя, закрылъ Матвеева своею грудью, но и то не помогло: самъ благородный князь едва не лишился жизни; Матвеевъ же былъ схваченъ, приведенъ на Красное крыльцо и при радостныхъ кликахъ народа сброшенъ внизъ.

Содрогаясь отъ ужаса, плача отъ скорби, царица съ сыномъ своимъ принуждена была искать спасенія въ Грановитой Палатѣ. Стрѣльцы «какъ львы рыкающіе», тайно подстрѣкаемые агентами Милославскаго, продолжали бѣгать по дворцу, требуя выдачи На-

(38) Крекшинъ, стр. 33.

рышкиныхъ. Отъ ихъ насилія не избавились самые отдаленные внутренніе покои, тихіе терема царевнъ, даже молельни и церкви, которыми такъ обильны были тогдашніе дворцы. Окровавленными своими копьями они шарили подъ престолами, ища тамъ своихъ жертвъ. Въ слѣпомъ изступленіи они наконецъ никого не узнавали и убивали однихъ вмѣсто другихъ; такъ былъ умерщвленъ стольникъ Салтыковъ, котораго приняли за Аѳанасія Нарышкина. Но эта жестокая ошибка не усмирила убійцъ и не спасла брата царицы; увидя карлу его, по прозванью Хомяка, они заставили его указать, гдѣ скрывается его господинъ. Невѣрный рабъ, взятый Нарышкинымъ изъ богадѣльни и спасенный имъ отъ нищеты, выдалъ своего благодѣтеля; стрѣльцы вытащили его и на паперти той же церкви умертвили, а трупъ выбросили внизъ.

Между тѣмъ какъ это происходило внутри дворца, другія толпы бѣгали по всему Кремлю, по церквамъ, по соборамъ, взбирались на колокольни, спускались въ погреба, вездѣ ища обреченныхъ на гибель бояръ. Такъ былъ схваченъ между патріаршимъ дворомъ и Чудовымъ монастыремъ престарѣлый полководецъ, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, и послѣ многихъ поруганій поднять на копьѣ; такъ были пойманы и убиты дьякъ Ларіонъ Ивановъ, подполковники Горюшкинъ и Юрневъ и многіе другіе, многіе извѣстные и менѣе значительные люди. Но счетъ убійцъ былъ еще далеко не полонъ: ни во дворцѣ, ни въ Кремлѣ имъ не удалось отыскать многихъ бояръ, внесенныхъ въ списокъ Милославскаго. И дѣйствительно нѣкоторые не успѣли пріѣхать во дворецъ (39), нѣкоторые были удержаны нездоровьемъ, страхомъ возмущенія; инымъ удалось пробраться и уйти изъ Кремля. По этому толпы стрѣлецкія разсыпались по всей Москвѣ, и въ предмѣстіяхъ, слободахъ, на улицахъ и въ собственныхъ домахъ ловили тѣхъ, кого имъ было надобно. Въ Замоскворѣчьи жилъ тогда одинъ изъ Нарышкиныхъ, Иванъ Ѳомичъ, стольникъ, человекъ не весьма значительный; но онъ носилъ фамилію, указанную народному мщенію: стрѣльцы ворвались къ нему въ домъ и убили его. Подобнымъ же образомъ убитъ былъ Языковъ, любимецъ покойнаго царя, найденный на Хлыновкѣ, гдѣ онъ спрятался у свя-

(39) Наредворцы и сановники обязаны были ежедневно являться во дворецъ. Кошнихъ. стр. 22.

щенника. Сильный временщикъ не долго пережилъ свое политическое паденіе!

День уже склонялся къ вечеру. Стрѣльцы были утомлены своими неистовствами. Одна толпа ихъ, проходя мимо дома князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, вздумала извиниться предъ нимъ въ убіеніи его сына (40). Было ли это дѣйствительно раскаяніе съ ихъ стороны, произведенное видомъ восьмидесятилѣтняго и разбитаго параличемъ старика, или ухищреніе самаго лютаго звѣрства,—не беремся рѣшить: разъяренныя массы столько же способны къ утонченнымъ злодѣйствамъ, какъ и къ мгновеннымъ переходамъ отъ жестокости къ состраданію и великодушію... Какова бы ни была впрочемъ тому причина, стрѣльцы скромно повинились предъ старымъ княземъ въ своей запальчивости, оправдываясь грубостію выраженій князя Михайлы. Старецъ благоразумно скрылъ свое негодованіе и отпустилъ съ миромъ убійцъ своего сына. Но оставшись одинъ, онъ далъ волю своему чувству, горько оплакивалъ свою потерю, и предвидя, что торжество мятежниковъ будетъ непродолжительно, воскликнулъ: «добрó, щучку они съѣли, но зубы ея остались!» Эти слова погубили князя. Одинъ изъ слугъ его передалъ ихъ стрѣльцамъ, которые было мирно возвращались домой. Бѣшенство овладѣло ими: они кинулись назадъ, вломались въ домъ, въ самую опочивальню стараго князя, стащили его съ постели, и влача по комнатамъ, крыльцамъ, вытащили наконецъ на дворъ, гдѣ разсѣкли его на части бердышами и разтерзали коньями.

— Среди подобныхъ сценъ кончился кровавый день 15 мая.

Соображая событія этого дня, нельзя не признать, что партія злонамѣренныхъ показала несравненно больше искусства, нежели та, къ которой естественно обращается наша симпатія. Милославскій и Софія, какъ видно, хорошо знали свойства народныхъ массъ. Толпа въ спокойномъ положеніи гнушается зла, но она легко поддается обману, и уловить ее всего легче со стороны добрыхъ ея инстинктовъ: взволнованная же, она быстро увлекается страстями слѣпыми и свирѣпыми. На этихъ расчетахъ и ведена была вся интрига. Разжегши въ стрѣльцахъ неудовольствіе противъ нелюбимыхъ ими начальниковъ, агенты Милославскаго ука-

(40) Матвеевъ относитъ это убійство къ 16 числу, но противъ него свидѣтельствуютъ Крекшинъ и Медвѣдевъ.

зали имъ на незаконное будто бы отстраненіе отъ престола царевича Иоанна, взывающегоъ къ нимъ о помощи; извѣстіе объ убіеніи его рѣшило начало мятежа. Была минута, когда толпа, образумленная видомъ здравствующаго царевича и словами Матвеева, готова была успокоиться, но не благоразуміе Долгорукова и коварное искусство Софій поправили дѣло: первая капля крови была пролита, страсти забушевали и подстрекать ихъ уже было не нужно болѣе.

Совсѣмъ другое принуждены мы сказать о партіи Нарышкиныхъ. Съ ихъ стороны не было выказано ни малѣйшаго благоразумія, ни малѣйшей энергіи. Невозможно предполагать, чтобы явное волненіе стрѣльцовъ не было извѣстно двору: «для настоящаго обезопасенія царя Петра», говоритъ Матвеевъ, «собрались его приверженцы » Да и какъ было имъ не знать того, что знала вся Москва! Царствованіе Θεодора закатилось въ тучахъ, и немного нужно было проницательности, чтобы угадать бурю къ утру новаго царствованія. И что же было сдѣлано для предотвращенія этой бури? Какія мѣры были приняты, какія средства приготовлены въ теченіе двухъ съ половиною недѣль? Никакихъ совершенно. Матвееву, который былъ душою партіи, правда, приказано было поспѣшить въ Москву, но и это было кажется болѣе дѣломъ доброты царицыной, чѣмъ предусмотрительности со стороны политическихъ ея друзей. Мы знаемъ, что немедленно по преставленіи царя были посланы гонцы во всѣ города съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ (41): почему же черезъ нихъ въ тоже время не было приказано собираться ратнымъ людямъ и вооруженнымъ слугамъ вѣрныхъ бояръ? Послѣ мятежа раскольниковъ, какъ мы увидимъ ниже, подобная мѣра принесла быстрые и рѣшительные результаты,—а съ 27 апрѣля по 15 мая сколько защитниковъ престола могло бы собраться въ Москву! Какихъ нибудь пятнадцать тысячъ мятежниковъ были бы легко усмирены, вѣроятно они и не рѣшились бы начать мятежа; въ самой Москвѣ наконецъ было множество дѣтей боярскихъ, жильцовъ, дворянъ, которыхъ обязанность состояла въ охраненіи Двора; собрать ихъ никто не позаботился; почему? — нельзя понять. Почему также никто не подумалъ препятствовать сношеніямъ Милославскаго съ стрѣльцами? Почему этотъ бояринъ не былъ заключенъ, или хотя вы-

(41) Исторія о невинномъ заключеніи боярина А. С. Матвеева.

сланъ мзъ Москвы, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлаться слишкомъ опаснымъ и неприкосновеннымъ, тѣмъ болѣе, что ссылка и опалы были тогда очень обыкновеннымъ дѣломъ!.. Ничего этого не было сдѣлано,—и вотъ какъ объясняетъ это бездѣйствіе Матвеевъ, органъ нарышкинской партіи: «хоть о всемъ томъ (т. е. волненіи стрѣльцовъ), говоритъ онъ, не безъизвѣстно было при царскомъ дворѣ, однакоже за мнимымъ печаліемъ того бунта на самомъ дѣлѣ и не усматривая важной быть причинѣ, за что быоній бунтъ начаться могъ, надлежащею своею предосторожностію отъ себя тогда не упредили.» Слепота непонятная! И такъ единственное дѣло Нарышкиныхъ было приглашеніе Матвеева въ Москву, да и это было сдѣлано уже черезъ нѣсколько дней по кончинѣ Θεодора (42).

Осмѣлимся ли высказать здѣсь наше мнѣніе объ этомъ мужѣ, прославленномъ историками, воспѣтомъ поэтами?.. Намъ кажется, что Матвеевъ былъ рѣшительно ниже роли, которую ему указывали надежды его друзей и важность настоящихъ обстоятельствъ. Что онъ могъ быть, и былъ хорошимъ министромъ при царѣ Алексѣѣ, во времена порядка и мира,—признаемъ вполне; но въ минуту столкновенія партій, при ниспроверженіи порядка, предводительствовать одною изъ этихъ партій онъ былъ не въ состояніи. Для начальника партіи нужно болѣе быстроты и энергіи, чѣмъ спокойной мудрости; болѣе смѣлости, чѣмъ правоты чувства, а этихъ именно свойствъ ему не доставало. Человѣкъ, рожденный для дѣйствованія посреди политическихъ бурь, не сталъ бы дожидаться приказанія ѣхать въ Москву. Узнавши отъ гонцовъ, разосланныхъ послѣ кончины Θεодора о воцареніи Петра, Матвеевъ могъ бы тотчасъ же пуститься въ путь, поспѣть въ Москву 1 или 2 мая (43), и принявши рѣшительныя мѣры, вѣроятно успѣлъ бы еще предупредить мятежъ. Но онъ, какъ видно, не очень торопился пріѣздомъ. Тутъ онъ останавливался, чтобъ принять приготовленный для него обѣдъ, тамъ чтобъ отслушать обѣдню или отдохнуть съ дороги (44)... Такъ ли должно ему было спѣшить!... Знаемъ, что ни хорошихъ дорогъ, ни исправныхъ почтъ не было тогда въ Россіи, знаемъ, что Матвеевъ былъ не молодъ (45) и очень исто-

(42) Исторія о невинномъ заключеніи боярина Матвеева.

(43) Лухъ отъ Москвы по Дорожнику 466 верстъ.

(44) Исторія о невинномъ заключеніи боярина Матвеева.

(45) «Въ 1638 г. былъ онъ пожалованъ *въ жизнь* (смотри «Опытъ обозрѣ-

щенъ лишеніями и страданіями послѣднихъ годовъ; но если не было почтъ, то были ямы, ѣхать было можно безостановочно, а энергія души даетъ бодрость и дряхлому тѣлу! Такимъ образомъ бояринъ этотъ, на котораго возлагала свои надежды вся партія, прибылъ въ Москву только 12 мая (46), когда мятежъ готовъ былъ вспыхнуть. Но и тогда неужели ему уже ничего нельзя было сдѣлать, чтобъ обезопасить по крайней мѣрѣ царскую фамилію? Мы знаемъ, какое множество бояръ, по большей части преданныхъ Петру, было тогда въ Москвѣ; число ихъ слугъ, по словамъ одного изъ лѣтописцевъ (47), превосходило вдвое число стрѣльцовъ: отчего они не были тотчасъ же собраны и вооружены? Мятежъ могъ бы тогда быть потушенъ въ самомъ началѣ. Почему наконецъ, если уже ничего другаго не было сдѣлано, вмѣсто ненадежнаго Стремяннаго полка, не былъ введенъ въ Кремль вѣрный Сухаревскій полкъ, который въ этой старинной цитадели могъ бы безъ сомнѣнія выдержать первые удары мятежниковъ? А между тѣмъ собрались бы ратные люди изъ окрестностей, и соединившись съ частію, и едва ли не значительнѣйшею, московскаго населенія, преданною Петру, предупредили бы злодѣянія и перевороты, ознаменовавшія 1682 годъ. Милославскій и Софія, отдѣленные такимъ образомъ отъ своихъ приверженцевъ, заключенные одни въ Кремль среди своихъ непріятелей, не осмѣлились бы снять маску, и не могли бы дѣйствовать тайно, и возстаніе успокоилось бы само собою за недостаткомъ руководителей. Мы видѣли, что Петру преданы были почти всѣ свѣтскіе и духовные сановники; большинство народа тоже было на его сторонѣ, это доказано избраніемъ, — какимъ же образомъ могла побѣдить противная партія? Въ чемъ заключалась ея сила? Въ безпрерывныхъ ошибкахъ, ознаменовавшихъ правленіе Нарышкиныхъ.

Нѣтъ, какъ ни расположены мы сочувствовать несчастіямъ нія жизни сановниковъ, управлявш. иностранными дѣлами») за заслуги отца тридцати лѣтъ отъ роду» — значить въ 1682 году ему было не больше 58 лѣтъ.

(46) Въ запискахъ Матвеева показано 10 число: думасмъ, что это ошибочно, тѣмъ болѣе, что на памятникѣ, воздвигнутомъ ему графомъ Румянцовымъ, сказано, что онъ пробылъ въ Москвѣ три дня съ 12 по 15 мая. Если же онъ пріѣхалъ 10 числа, то ему осталось два лишнихъ дня для принятія мѣръ противъ мятежа; такъ или иначе, а все нельзя не обвинить Матвеева.

(47) Крекшинъ.

Нарышкиныхъ, добродѣтелямъ Матвеева—мы не можемъ не высказать ихъ ошибокъ, такъ же какъ не можемъ повторить столь часто произносимыхъ проклятій противъ честолюбія царевны и интригъ Милославскаго, не отдавши справедливой дани искусству и твердости, съ которыми стремились они къ своей, конечной, преступной цѣли. Нѣтъ, противъ этихъ двухъ борцовъ, тайно, но сильно поддерживаемыхъ Голицынымъ, Матвееву устоять было трудно, хотя люди даже противной партіи говорятъ, что онъ былъ «остръ въ разумъ и гражданскимъ дѣламъ искусенъ зѣло» (48).

Еще одинъ вопросъ рождается при внимательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ. Не могла ли царевна, которой цѣль намъ теперь извѣстна, не могла ли она въ одинъ день окончить всего переворота, вмѣсто того чтобъ допустить трехдневное кровопролитіе? Какъ не подумала она, что стрѣльцы могутъ быть наконецъ отвлечены отъ служенія ея дѣлу мыслию о собственныхъ выгодахъ, добычею, буйствомъ? Толпа забывчива, часто неблагодарна и всегда впечатлительна. Подобные перевороты тѣмъ болѣе представляють вѣроятностей успѣха, чѣмъ они быстрѣе совершаются. Еслибъ къ вечеру 15 мая, когда Дворъ погруженъ былъ въ оцѣпенѣніе, одинъ изъ руководителей движенія выступилъ передъ торжествующею толпою и провозгласилъ царемъ Іоанна, а царевну правительницею, можно ли предполагать, чтобъ кто-нибудь воспротивился этому рѣшенію? Едва ли: тогда по крайней мѣрѣ все было бы кончено вдругъ, и не было бы нужно ни двухъ лишнихъ дней кровопролитія, ни новыхъ интригъ; само же правительство избавилось бы отъ деспотизма стрѣльцовъ, слишкомъ привыкшихъ властвовать среди трехдѣльной анархіи. Но кому было это сдѣлать? Голицынъ во все время смутъ не принималъ въ нихъ явнаго участія, Милославскій имѣлъ многія качества предводителя партіи, былъ неутомимъ, неразборчивъ на средства для достиженія цѣли и, посѣдѣвъ въ борьбѣ и интригѣ, зналъ лучше всѣхъ, какъ управлять страстями толпы и интересами царедворцевъ, но у него не было ни личной смѣлости, необходимой вождю народнаго движенія, ни того орлинаго взмаха крылъ, который однимъ ударомъ рѣшаетъ дѣло; самой же Софіи вдругъ явиться передъ народомъ значило бы уже слишкомъ выйти изъ круга женскихъ понятій и обычаевъ того времени...

(48) Медвѣдевъ.

По этому на другой день надобно было ожидать возобновленія кровавыхъ сценъ 15 мая. Дѣйствительно, все предвѣщало грозу на утро. У всѣхъ воротъ и выходовъ изъ Кремля, Китая и Бѣлаго города стояли крѣпкіе караулы стрѣлецкіе, которые не позволяли никому ни входить, ни выходить. Москва казалась пуста, всѣ двери, всѣ окна были заперты, народа нигдѣ не видно; только гонцы и агенты, черезъ которыхъ пересылались Милославскій и царевна со стрѣльцами, непрерывно носились взадъ и впередъ: для нихъ караулы разступались и ворота растворялись настежь. Скоро опять грянули стрѣлецкіе барабаны, опять загудѣли набатные колокола, и мятежники снова вступили въ Кремль. Но въ этотъ день въ дѣйствіяхъ ихъ не замѣтно болѣе ни плана, ни цѣли; это и естественно: ими руководили издали, заочно; никто изъ ихъ главныхъ начальниковъ не хотѣлъ показываться. Стрѣльцы окружили дворецъ, требовали выдачи Ивана Нарышкина, и разошлись, снова обѣщая возвратиться на другой день и все перебить, если имъ не выдадутъ его головою. Очевидно, имъ надобно повиноваться невидимымъ начальникамъ и работать для нихъ: они разсудили лучше заняться собственными дѣлами. Дѣйствительно они разсыпались по Москвѣ, побили нѣкоторыхъ ненавистныхъ имъ людей, какъ на примѣръ дьяка Аверкія Кирилова, котораго они считали сообщникомъ въ притѣсненіяхъ своихъ начальниковъ, но преимущественно занялись грабежемъ богатыхъ боярскихъ домовъ, опустошеніемъ ихъ кладовыхъ и погребовъ, а къ вечеру возвратились восвояси, довольные этимъ днемъ втроятно болѣе чѣмъ вчерашнимъ.

Но такимъ оборотомъ дѣла не могли быть довольны главныя дѣйствующія лица. Поэтому сильнѣе прежняго, въ теченіе ночи, было подтверждено стрѣльцамъ не оставлять требованія о выдачѣ Нарышкиныхъ, и употреблены новыя усилія, чтобъ разжечь ихъ ненависть противъ приверженцевъ Петра. Царевна понимала, что надобно было ковать желѣзо, пока еще кипѣли народныя страсти. Кромѣ того, видя, что Милославскій продолжаетъ хитрить, сказываясь больнымъ, она рѣшилась сама принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ, которое и должно было интересовать ее болѣе чѣмъ всѣхъ другихъ. Съ этого часу она дѣлается вполне главою своей партіи.

Когда 17 числа утромъ многочислѣннѣйшія прежняго толпы

нахлынули въ Кремль, она находилась при царицѣ, выжидая случая содѣйствовать стрѣльцамъ. Исполняя вчерашнюю угрозу, мятежники начали настойчиво требовать выдачи Нарышкиныхъ. «Не выйдемъ отсюда, кричали они, пока не выдадутъ намъ и змѣтниковъ!» Особенно казались они озлоблены противъ брата царицы, Ивана, котораго обвиняли въ томъ, что онъ надѣвалъ на себя корону царскую, какъ будто давая этимъ знать, что она въ его рукахъ. Видя твердую рѣшимость стрѣльцовъ, бояре, совершенно обезсильвшіе духомъ отъ трехдневной опасности, отъ этого заключенія во дворецъ, рѣшились наконецъ высказать давнишнее свое тайное желаніе, и приступили къ царицѣ, умоляя ее пожертвовать братомъ для спасенія царской фамиліи, себя и, прибавляли они съ цинизмомъ малодушія, «насъ всѣхъ, преданныхъ и вѣрныхъ слугъ». Царевна Софія, находившаяся во весь этотъ день посреди враговъ своихъ, чтобъ вызывать ихъ на ложныя мѣры, стала горячо поддерживать это предложеніе. «Видите, говорила она, стрѣльцы озлоблены: они сдѣлаютъ какъ говорятъ! Должно или немедленно исполнить ихъ желаніе, или ожидать, что они всѣхъ насъ истребятъ.»

Несчастливая царица была въ жестокомъ положеніи: у оконъ ея чертоговъ сверкало оружіе, бѣсповался раздраженный народъ; бояре преслѣдовали ее своими мольбами тѣмъ съ большею настойчивостію, чѣмъ сильнѣе становилось ихъ смятеніе. Она видѣла справедливость ихъ опасеній, но какъ было рѣшиться пожертвовать братомъ и можетъ быть отцемъ! Она обливалась слезами и не знала что дѣлать. Хитрая Софія посоветовала царицѣ перейти вмѣстѣ съ братомъ въ церковь Нерукотвореннаго Спаса, увѣряя, что мятежники не осмѣлятся нарушить святѣни, хотя бы имъ и отворили двери храма. Бояре съ жаромъ одобрили это лукавое предложеніе; царица приняла его съ радостію, какъ удалившее хоть на нѣсколько мгновеній опасность.

Всѣ эти дни Иванъ Нарышкинъ съ отцомъ своимъ Кирилломъ Полуектовичемъ, съ нѣкоторыми другими своими родственниками, съ семнадцатилѣтнимъ сыномъ Артамона Сергѣевича Матвеева (49), скрывался въ разныхъ потаенныхъ мѣстахъ собственныхъ покоевъ царевны Наталіи Алексѣевны. Но не считая жилище своей дочери достаточно надежнымъ убѣжищемъ, царица

(49) Авторъ Записокъ, которыми мы руководствуемся.

упросила свою золовку Марюу Матвеевну (50) укрыть у себя этихъ несчастныхъ. Вслѣдствіе этого, они всѣ были тайно переведены въ отдѣленіе царицы, и скрыты вѣрною ея прислужницею, Клушиною, въ отдаленныхъ покояхъ. Тамъ проводили они ночное время; утромъ же, какъ скоро звонъ набата возвѣщалъ приближеніе стрѣльцовъ, ихъ прятали въ тайный чуланъ, между перинами, гдѣ они сидѣли, и по счастію не были открыты, хотя слышали яростные вопли мятежниковъ, слышали шумъ ихъ шаговъ, звукъ ихъ оружія, видѣли наконецъ этихъ людей, неоднократно пробѣгавшихъ мимо ихъ убѣжища. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ успѣли уйдти; молодой Матвеевъ, напримѣръ, былъ спасенъ царскимъ карлюю, Комаремъ, который, одѣвъ его въ платье своего конюха и приказавъ ему слѣдовать за собою, благополучно провелъ его сквозь толпы стрѣльцовъ; другіе родственники и меньшіе братья царицы тоже нашли средство пробраться тайно изъ Кремля. Но нѣкоторые, боясь быть узнаваемыми, или не имѣя довольно отважныхъ доброжелателей, оставались въ дворцѣ. Въ числѣ ихъ былъ и Иванъ Нарышкинъ.

По совѣту Софіи, былъ онъ проведенъ въ церковь Нерукотвореннаго Спаса, куда, какъ сказано, пришла царица, окруженная своими приближенными. Нарышкинъ, не обманываясь относительно своей участи, приготовился къ смерти принятіемъ святыхъ таинъ и спокойно вступилъ въ храмъ, осажденный разъяренною чернью. «Государыня царица, сказалъ онъ, иду на смерть безъ страха, и желаю только, чтобъ кровь моя была послѣднею, пролитою нынѣ.» Всѣ присутствующіе были тронуты или пристыжены. Царевна тоже изъявляла сожалѣніе, но настаивала на необходимости удовлетворить стрѣльцовъ; бояре скоро присоединились къ ней, и несчастная царица увидѣла, что святость мѣста не спасетъ ея брата. Она не рѣшалась отпустить его, но Софія Алексѣевна и тутъ нашла средство облегчить развязку: она предложила дать въ

(50) Въ Запискахъ Матвеева сказано: «Царицу Марюу Алексѣевну»; была царица Марѣа Матвеевна, а царевна Марѣа Алексѣевна: о которой изъ двухъ здѣсь говорится? Думаемъ, что о первой, зная ея расположеніе къ Натальѣ Кирилловнѣ. Вотъ имена тогдашняго царскаго дома: Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, вдовствующія царицы Марѣа Матвеевна, вдова Феодора, и Наталія Кирилловна, царевны: Анна Михайловна и Татіана Михайловна, Евдокія, Марѣа, Софія, Марія, Феодосія и Наталія Алексѣевны, послѣдняя отъ втораго брака.

руки обреченной жертвѣ образъ Пресвятой Богородицы, ручаясь, что стрѣльцы не осмѣлятся возложить руку на челоуѣка, охраняемаго этою святыней. Между тѣмъ клики мятежниковъ становились грознѣе и пастойчивѣе. На минуту тронутые бояре приступили снова къ царицѣ, торопясь кончить сцену, которая и ужасала и пристыжала ихъ. Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, старшій и честный бояринъ, но слабый и робкій духомъ, обнаружилъ при этомъ замѣчательный цинизмъ. «Сколько вамъ, государыня, сказалъ онъ, ни жалѣть, отдать его нужно будетъ, а тебѣ, Ивану, скорѣе отсюда идти надобно, чѣмъ намъ всѣмъ погубленнымъ быть!» (51).

Царица съ несчастнымъ братомъ своимъ приближалась уже къ порогу храма... въ эту минуту дверь съ шумомъ растворилась, и толпа хлынула на паперть. Увидя передъ собою того, чьей смерти они такъ давно желали, стрѣльцы кинулись на него, ухватили за волосы, стащили внизъ по ступенямъ и влекли по всему Кремлю до Константиновскаго застѣнка, гдѣ его жестоко пытали. Еще недовольные этимъ, они повлекли его опять, полуживаго, измученнаго, на Красную площадь и тамъ, при радостныхъ крикахъ, подхватили его на копья, высоко вскинули наверхъ, и бросивъ на землю, отрубили ему руки, ноги и голову, а туловище изсѣкли въ куски.

Отецъ этого несчастнаго, Кирилль Полуектовичъ, тоже обреченный на смерть ненавистію Милославскаго, не былъ умерщвленъ, но постриженъ въ монахи, подъ именемъ Кипріяна, и на другой же день отправленъ въ Кирилловъ монастырь, на Белоозеро.

Кремль послѣ этого вздохнулъ свободнѣе: стрѣльцы оставили его, но разсыпались по Москвѣ и совершили еще нѣсколько жестокостей, которыя впрочемъ мы не станемъ описывать, спѣша заняться результатами этихъ кровавыхъ трехъ дней.

Петрова партія была если не вовсе истреблена, то совершенно обезсилена. Матвеевъ, который былъ признатъ ея главою, былъ убитъ; Ромодановскіе, Долгорукие также убиты; отецъ царицы постриженъ противъ воли и сосланъ; двое братьевъ ея умерщвлены, остальные ея братья скитались въ окрестностяхъ Москвы, ежеминутно дрожа за свою жизнь. Множество другихъ людей, ме-

(51) Матвеевъ.

нѣ значительныхъ, тоже или были побиты, или принуждены скитаться въ предмѣстіяхъ, въ окрестностяхъ, и скрываться въ погребамъ и чуланамъ. Наконецъ тѣ изъ преданныхъ Петру боярѣ, которыхъ миновала буря, были такъ оглушены ею, что едва ли могли сдѣлать что-либо для возстановленія своего дѣла.

Стрѣльцы же восторжествовали вполне. За то не было жестокостей, не было неистовствъ, которыхъ бы они не совершили: когда народъ присвоиваетъ себѣ расправу, — онъ не наказываетъ, не караетъ, какъ правильное правосудіе, но становится бичемъ и истребляетъ, отдаваясь страстямъ слѣпымъ и неумолимымъ. Съ лютою радостію губили стрѣльцы враговъ своихъ, терзали ихъ, мучили, сопровождая свои дѣйствія насмѣшками: они восклицали, таща на закланіе свои жертвы: «се ѣдетъ Долгорукій, се бояринъ Матвеевъ! дорогу, дорогу!» (52). И безумствующая толпа оглашала воздухъ криками, ругательствами, хохотомъ. «Любо ли?» спрашивали палачи, обращаясь къ народу, и народъ, хлопая въ ладоши, отвѣчалъ: «любо, любо!» А кто не раздѣлялъ этой бѣшеной радости, кто молчалъ, кто взоромъ или наклоненіемъ головы или невольнымъ содроганьемъ осмѣливался не одобрять этихъ кровавыхъ сатурналіѣ, того не только били, но часто и убивали. Тѣла несчастныхъ жертвъ валялись кучами, обезображенныя, изтерзанныя; тлѣніе довершало надъ ними то, что случайно пощадилъ желѣзо, и нестерпимый смрадъ носился надъ Красною площадью. Горестно подумать, что всѣ эти знатные и богатые люди, эти князья, эти бояре, еще недавно окруженные толпами родственниковъ, друзей, внимательныхъ прислужниковъ, оставались такъ на поруганіе черни, на добычу псамъ и коршунамъ; и никто изъ этихъ друзей и родственниковъ не думалъ укрыть ихъ трупы отъ поруганія. Но на что не отваживался ни одинъ изъ кровныхъ и близкихъ людей, то совершилъ ничтожный черный рабъ. Мы говоримъ объ арапѣ Матвеева, котораго имя сохранила исторія къ вѣчному утѣшенію чловѣчества. Рабъ этотъ, Иванъ по имени, пробрался на Красную площадь, не страшась ни отвратительнаго зрѣлища, ни крѣпкаго караула, которымъ стрѣльцы оберегали свои жертвы; онъ отыскалъ между кучами тѣлъ трупъ своего несчастнаго господина и отнесъ его домой. Тамъ, въ присутствіи немно-

(52) Медвѣдевъ.

гихъ родственниковъ, которымъ ужасъ не помѣшалъ собраться для отданія послѣдняго долга нѣкогда знаменитому боярину, останки его были отпѣты и преданы землѣ въ приходѣ Николая Столба, на Покровкѣ (53). Благодаря преданности чернаго раба, Матвеевъ одинъ, изъ всѣхъ жертвъ стрѣлецкаго мятежа, получилъ честное погребеніе.

Стрѣльцы не только удовлетворили своему мщенію, но и награбили богатую добычу. Серебряная и золотая посуда, заграничныя ткани, драгоценныя камни, иностранныя вина, сокровища частныя и царскія наполняли ихъ сундуки и клѣти, появились на столахъ ихъ, украсили ихъ женъ. Но чтò гораздо важнѣе, стрѣльцы разбили также приказы Холопій и Судный. Они перервали и сожгли крѣпостныя записи, уничтожили тяжбы дѣла, освободили содержавшихся преступниковъ и объявили волю холопамъ. Какія неизчислимыя послѣдствія могли производиться изъ всего этого! — Всѣ современники однакожь единодушно утверждаютъ, что бывшіе въ то время въ Москвѣ слуги боярскіе не только не воспользовались предложенною имъ свободою и не присоединились къ мятежникамъ, но напротивъ укоряли и останавливали ихъ: чувство справедливости иногда сильнѣе говоритъ въ простыхъ сердцахъ, и подобные случаи не безпримѣрны въ нашей исторіи (54). Впрочемъ мы должны замѣтить, что, въ продолженіе мятежа, къ сторонѣ Софій пристали также и многіе московскіе жители, одни—увлеченные успѣхомъ стрѣльцовъ и всегда готовые поддерживать побѣдителей, другіе,—подвигнутые къ тому же ихъ угрозами. По крайней мѣрѣ всѣ свидѣтельства соглашаются въ томъ, что мятежъ былъ начатъ лишь нѣсколькими полками стрѣльцовъ и солдатъ, а меньше чѣмъ черезъ три недѣли послѣ возмущенія, именно 6-го іюня, была подана царямъ челобитная о поставленіи на Красной площади триумфальнаго столба отъ имени не только стрѣльцовъ и солдатъ, но и гостей, посадскихъ людей и ямщиковъ: новое доказательство, какъ много потеряла партія Петрова въ теченіе этихъ немногихъ дней.

(53) Бѣднѣйшій рабъ былъ въ послѣдствіи положенъ въ одну могилу съ знатнымъ бояриномъ. Памятникъ, воздвигнутый надъ ними, поставленъ графомъ П. П. Румянцовымъ.

(54) Въ время безпокойствъ, въ Новгородскихъ поселеніяхъ, бунтовщики отворили двери арестантамъ, которые содержались въ поселеніяхъ, предлагали имъ свободу, но больша часть ихъ не тронулась съ мѣста, говоря: «кто посадилъ насъ, тотъ и выпуститъ.» Это слышали мы отъ очевидцевъ.

Софія могла быть довольна своимъ успѣхомъ враги ея были низложены, Москва въ ея власти, ступени престола передъ нею расчищены... Мечтала ли она тогда уже о коронѣ, не знаемъ; не беремся также рѣшить, въ состояніи ли бы она была въ то время исполнить подобный замыселъ. Но если она могла, то конечно горько сожалѣла въ послѣдствіи, сидя въ печальной келіи Новодѣвичьяго монастыря (какъ справедливо замѣчаетъ Миллеръ), что не обезпечила своей будущности!... Повидимому, въ настоящую минуту у нея была одна только цѣль—возвести на престолъ брата своего Іоанна. По окончаніи кровопролитій, именно 18 числа, стрѣльцы собрались въ Кремль и стали требовать его избранія (55). Но царица не хотѣла, чтобъ онъ принялъ корону изъ рукъ мятежниковъ; она желала по крайней мѣрѣ наружной законности. Для этого нужно было содѣйствіе бояръ,—они должны были произнести избраніе Іоанна, — и патріарха, который бы благословилъ его на царство. Почему этого не было сдѣлано тогда же, не легко себѣ объяснить. Были ли еще люди непреклонные и безстрашные, которыхъ ничто не могло заставить измѣнить своей присяги? или Дума Боярская была такъ оглушена недавними потрясеніями, что не была способна даже къ предусмотрительной покорности, и Софія сочла за нужное дать имъ время собраться съ мыслями?..

Въ это время изъ толпы обыкновенныхъ царедворцевъ вдругъ

(55) О времени и подробностяхъ воцаренія Іоанна существуетъ множество различныхъ и противорѣчивыхъ извѣстій—доказательство страшной суматохи въ то время. Матвеевъ говоритъ, и Крескингъ повторяетъ за нимъ, что 18 числа было провозглашено двугарствіе. Въ грамотѣ царей о ихъ восшествіи на престолъ это отнесено къ 25 мая; въ 5-мъ томѣ Сборника Туманскаго приведено извѣстіе будто бы изъ записокъ Матвеева (чего впрочемъ нѣтъ въ изданіи Сахарова), что стрѣльцы провозгласили Іоанна царемъ 23 мая,—что и было утверждено приговоромъ бояръ и согласіемъ царей; 25-го же числа вторично приступили они, требуя, чтобъ Іоаннъ былъ первымъ, а Петръ вторымъ царемъ,—извѣстіе, которое отчасти подтверждается предшествующими. Далѣе (5 томъ) Туманскій приводитъ выписку изъ Арх. Кол. Ин. Дѣлъ, гдѣ сказано, что 26 мая патріархъ съ боярами и духовенствомъ упростили Іоанна раздѣлить престолъ съ братомъ, на грамотѣ же царской, писанной къ полковнику Горленко, командиру Прилуцкаго полка въ Запорожье, выставлено 27 число. Полн. Собраніе Законовъ выводитъ насъ наконецъ изъ этого лабиринта противорѣчій и опредѣляетъ день вступленія царей на престолъ — 26 мая.

выступаютъ впередъ Хованскіе, князь Иванъ Андреевичъ и сынъ его Андрей. Современники должны были немало этому удивиться: никто не ожидалъ видѣть ихъ въ славѣ и могуществѣ. Въ самомъ дѣлѣ Иванъ Хованскій, благодаря значительности своего происхожденія и, такъ сказать, въ очередь, былъ воеводою, бояриномъ; но ни особеннаго ума государственнаго, ни доблестей воинскихъ въ немъ никто не замѣчалъ; напротивъ, многіе считали его храбрость весьма сомнительною; въ народѣ знали его между прочимъ подъ насмѣшливымъ прозваніемъ *Тарарул*, которымъ называлъ его въ дружественной своей перепискѣ самъ покойный царь Алексѣй Михайловичъ (56). Участіе его въ мятежъ стрѣльцомъ и приверженность къ Софьѣ Алексѣевнѣ или Милославскому могли бы объяснить внезапное его возвышеніе, но ничего подобнаго не было, но крайней мѣрѣ не было извѣстно. Тѣмъ не менѣе послѣ убіенія Долгорукихъ, старый Хованскій былъ сдѣланъ начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа, а во время суматохи, послѣдовавшей за мятежемъ, онъ былъ органомъ воли стрѣльцовъ, или посредникомъ между ими и боярами. Когда толпы безпокойныхъ людей врывались въ Кремль, крича и угрожая, Хованскій выходилъ къ нимъ, выслушивалъ ихъ и передавалъ ихъ слова и требованія Думѣ Боярской.

Главнѣйшее изъ этихъ требованій было возведеніе на престолъ Іоанна, какъ было сказано; Дума Боярская была готова исполнить волю побѣдителей, которые въ сущности могли обойтись безъ ея согласія, но какъ было это сдѣлать? Устранить Петра отъ престола казалось невозможнымъ: ему цѣловала крестъ Москва и вся Россія. Вручить скипетръ обонмъ братьямъ вмѣстѣ, имѣть двухъ царей въ одно время—было дѣломъ неслыханнымъ въ нашемъ отечествѣ. . . Между тѣмъ толпы стрѣлецкія ежедневно шумѣли подъ окнами Грановитой Палаты, грозя своимъ мщеніемъ: страшные дни 15, 16 и 17 мая готовы были повториться. . . Наконецъ 26 числа патріархъ, сопутствуемый духовенствомъ и боярами, отправился въ чертоги царскіе умолять Іоанна Алексѣевича раздѣлить престолъ съ братомъ своимъ. Царевичъ этотъ, чуждый всѣхъ потрясеній и черныхъ дѣлъ, совершенныхъ во имя его, не думавшій искать власти, набожный и хворый, подчинился въ этомъ, какъ и во всѣхъ

(56) Письмо царя къ стольнику Матюшкину въ Актахъ Археогр.-Экспед. т. III.

другихъ случаяхъ своей жизни, постороннему вліянію и согласился принять корону, совокупно съ Петромъ, *для усмиренія народнаго*. Царевнѣ же положено было предоставить, за слабостію одного и молодостію другаго царя, управление дѣлами. Но и этого было еще недостаточно для честолюбивой Софіи. Она настояла, чтобъ Думой было опредѣлено и формальнымъ актомъ объявлено о первенствѣ Іоанна предъ Петромъ. Въ то же время этою Думою, сдѣлавшеюся послушнымъ орудіемъ царевны, разграничены власть и принадлежности обоихъ царей, а именно Іоанну предоставлено было внутреннее управление государствомъ, веденіе же войнъ и приѣмъ пословъ Петру. Это опредѣленіе было поднесено патриархомъ отъ имени всего духовенства, царевичей (57), бояръ, и всего народа русскаго царевнѣ Софіи: власть, такимъ образомъ предлагаемую, она согласилась принять, и не стѣняясь болѣе ложнымъ смиреніемъ, взяла твердою рукою кормило правленія.

Немедленно была опредѣлена форма царскаго титула; Іоаннъ долженъ былъ писаться прежде Петра, послѣ имени же царскихъ слѣдовало имя царевны-правительницы. За тѣмъ началась раздача награжденій людямъ, содѣйствовавшимъ этому перевороту. Близкій любимецъ царевны, человекъ, о которомъ въ послѣдствіи будемъ часто говорить, князь Василій Голицынъ былъ сдѣланъ намѣстникомъ новгородскимъ, начальникомъ Посольскаго Приказа и государственнымъ большіа печати оберегателемъ. Кромѣ значительныхъ окладовъ, соединенныхъ съ этими должностями, и значеніе и дѣятельность Голицыну предоставлялись обширныя; Новгородское намѣстничество искони считалось однимъ изъ почетнѣйшихъ, мѣсто же начальника Посольскаго Приказа дѣлало его какъ бы представителемъ Россіи передъ цѣлою Европою, однимъ изъ первыхъ придворныхъ сановниковъ, главнымъ дипломатическимъ лицомъ, и подчиняло ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ все пограничное управленіе Россіи. Иванъ Милославскій получилъ Приказъ Большой Казны, то есть завѣдываніе всѣми доходами государства; князь Иванъ Хованскій назначенъ управлять, какъ, сказано Стрѣлецкимъ Приказомъ, то есть регулярными войсками, главною военною силою Россіи, а старшій сынъ его, Андрей, Приказомъ Суднымъ. Не только такіе значительные люди, но и второстепенные сотрудники царевны не были забыты ею при раздачѣ милостей;

(57) Касимовскихъ, Сибирскихъ и Грузинскихъ, проживавшихъ тогда въ большой чести, но безъ всякой власти въ Москвѣ.

такъ напрімѣръ расторопная ея прислужница, Феодора Родимица, выдана была съ большимъ приданымъ замужь за подполковника Озерова.

На стрѣльцовъ разумѣется щедрою рукою посыпались милости. Они получили почетное названіе *надворной пѣхоты*; къ обыкновеннымъ ихъ денежнымъ окладамъ сдѣлана была прибавка; кромѣ того, выдано имъ значительное единовременное награжденіе и уплачено недоданное жалованье съ 1673 года. Для покрытія всѣхъ этихъ издержекъ конфискованы были имущества людей, погибшихъ въ мятежѣ, и слѣдовательно признанныхъ виновными. Но не довольствуясь всѣмъ этимъ, стрѣльцы хотѣли, чтобъ правительство еще болѣе торжественнымъ образомъ признало ихъ заслуги. Съ этою цѣлію подана была царямъ 6-го іюня челобитная, въ которой сказано (58): «Въ нынѣшнемъ году въ Московскомъ Россійскомъ государствѣ учинилось побіеніе за Домъ Пресвятыя Богородицы и за вась, великіе государи», и за тѣмъ изчислялись преступленія умерщвленныхъ бояръ, а именно: притѣсненія и неправды нѣкоторыхъ, злоумышленія и измѣна другихъ, въ томъ числѣ Матвеева, противъ царей и царскаго дома. Оклеветавъ такимъ образомъ вѣрнѣйшихъ слугъ царскихъ, стрѣльцы просили выдать имъ похвальныя грамоты за усердную ихъ службу, чтобы никто не смѣлъ и думать укорять ихъ за нее; а сверхъ того они изъявляли желаніе, чтобъ въ память этой службы на Красной площади былъ воздвигнутъ каменный столбъ съ изображеніемъ на немъ именъ умерщвленныхъ бояръ и преступленій каждаго изъ нихъ. Въ отвѣтъ на эту дерзкую челобитную, послѣдовалъ царскій указъ, который возбуждаетъ еще сильнѣйшія чувства сожалѣнія. Онъ начинается также словами: «Въ нынѣшнемъ году въ Московскомъ Россійскомъ государствѣ учинилось побіеніе за Домъ Пресвятыя Богородицы» и пр., потомъ повторены тѣ же клеветы про Матвеева, Долгорукихъ, Ромодановскихъ и пр., и въ заключеніе повелѣно имена этихъ несчастныхъ изобразить для поруганія на столбѣ... Дальше этого униженіе не могло простираться! Каково было Петру, хотя еще отроку, подписывать этотъ жестокий указъ! Сама царевна едва ли могла простирать свое мщеніе до того, чтобъ предавать поруганію не страшныхъ ей болѣе враговъ. Она была честолюбива и безъ сожалѣнія разрушала преграды, которыя были

(58) Акты Арх. эксп. т. IV. № 255.

у нея на пути, но зла безъ пользы для себя она не дѣлала. Напротивъ мы думаемъ, что это было первымъ проявленіемъ того насилія, которое она сама начинала испытывать со стороны стрѣльцовъ, и что она должна была согласиться на ихъ требованіе, потому что не имѣла силы не исполнить его. Дѣйствительно, скоро пришлось ей вступить въ борьбу со вчерашними своими союзниками, которые сдѣлались слишкомъ сильными, слишкомъ самовластными; изъ этой борьбы, какъ увидимъ ниже, она вышла побѣдительницею. Но на этотъ разъ ей надлежало покориться. Столбъ былъ воздвигнутъ на Красной площади, и стрѣльцы получили похвальные листы за красными печатами, которые съ торжествомъ и музыкою они носили по улицамъ утраченной и опечаленной Москвы.

Видя возрастающія требованія и самовольство стрѣльцовъ, которые показывали много преданности новому своему начальнику, Хованскому, и не давались ей въ руки, царица, опасаясь новыхъ переворотовъ, начала торопиться совершеніемъ обряда вѣнчанія надъ обоими царями. При этомъ еще разъ нельзя не подивиться той рѣдкой энергіи, которую выказывала эта необыкновенная женщина, когда желала чего нибудь достигнуть. При вѣчаніи русскихъ царей искони употреблялись, какъ извѣстно, одинъ и тѣ же регалии, получившія священную цѣнность по своей древности и историческимъ воспоминаніямъ. Но регалии этихъ было по одному экземпляру. Много коронъ напѣримъ заключалось въ сокровищницѣ царской, но шапка Мономаха была одна, и она казалась священнѣе всѣхъ прочихъ. Это обстоятельство могло затруднить, но не остановило царицу; она приказала немедленно изготовить корону, скипетръ и прочія регалии новыя, но совершенно подобныя стариннымъ, и все это было сдѣлано съ тщательностію и совершенствомъ, которымъ, какъ справедливо замѣчаетъ Миллеръ, нельзя не удивляться. Въ мѣсяцъ всѣ приготовления были окончены.

Всю ночь, предшествовавшую дню вѣнчанія, патріархъ и почетнѣйшее духовенство молились въ Успенскомъ Соборѣ. Съ утра загудѣлъ большой колоколъ, и Москва, забывая недавнія смятенія, радостно поспѣшила въ Кремль. Рано утромъ, вкусивъ лишь нѣсколько часовъ отдохновенія, патріархъ, сопутствуемый духовенствомъ, вступилъ въ храмъ. Потомъ съ большою церемоніей были принесены туда царскія регалии. Бояре Шейнъ и князь Троеку-

ровъ несли вѣнцы, окольничьи Пушкинъ и Чаадаевъ—скипетры, казначей Толочановъ и печатникъ Башмаковъ—державы; шествіе это открывалъ оберегатель государственной печати, князь Василій Голицынъ. Звонъ всѣхъ кремлевскихъ колоколовъ потрясалъ воздухъ во время этого шествія (59). Депутація духовенства встрѣтила и приняла отъ бояръ регалии и отнесла въ Соборъ. Затѣмъ князь Голицынъ пошелъ извѣстить царей, что все готово къ ихъ принятію. Тогда съ Краснаго крыльца начала спускаться торжественная процессія. Шествіе открывали стольники, стряпчіе, дворяне, потомъ, по старшинству, окольничіе, думные дьяки и компаные ближніе люди, которые окружали царей. Наконецъ шествовали цари, въ золотыхъ одеждахъ, съ мѣховыми шапками на головахъ, украшенными драгоценными камнями. Позади ихъ шли бояре и прочіе знатные свѣтскіе сановники. При вступленіи царей въ храмъ патріархъ благословилъ ихъ, послѣ чего они вошли на приготовленное для нихъ возвышеніе, на которомъ стоялъ тронъ, общій для нихъ обоихъ. Царя Юанна при этомъ поддерживали ближніе бояре князь Прозоровскій и Юнкковъ, Петра — ближній бояринъ и окольничій Стрѣшневъ.

За тѣмъ начался обрядъ вѣнчанія, и потомъ обѣдня, по окончаніи которой цари вышли изъ храма уже въ царскихъ одеждахъ. При выходѣ сибирскіе царевичи осыпали ихъ золотою и серебряною монетою, послѣ чего цари продолжали свое шествіе въ церковь Михаила Архангела, оттуда къ Благовѣщенью и наконецъ черезъ Красное крыльцо возвратились во дворецъ. Въ этотъ день патріархъ, знатнѣйшее духовенство, бояре и окольничіе обѣдали у царей въ Грановитой Палатѣ. Въ этотъ же день были дарованы многія милости, которыми по большей части воспользовались друзья или друзья друзей царевны: одинъ изъ Милославскихъ и князь Андрей Хованскій, сынъ князя Ивана, Плещеевъ, Соксвинъ и знаменитый въ послѣдствіи Борисъ Петровичъ Шереметевъ произведены въ бояре....

Дворъ и Москва ликовали, и казалось, что ни въ чьемъ сердцѣ не оставалось мѣста печальнымъ воспоминаніямъ.

(59) Описаніе этой церемоніи взято изъ выписки, заключающейся въ Сборникъ Туманскаго, изъ Полн. Собр. Законовъ Россійск. Импер., томъ II, стр. 412.